

АННА
ДАНИЛОВА

DA

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ УБИЙСТВО

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Земляничное убийство

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Земляничное убийство / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2022 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-175641-3

Калина всегда была тихим уютным городком, и вдруг там стало происходить что-то невообразимое. Одна за другой от отравления редким ядом погибают самые разные женщины, рядом с телами которых находят коллекционных куколок-эльфов. Куклы – украденные работы местных рукодельниц, в закрытом клубе которых тоже случилась потеря: убита одна из самых опытных мастериц. Следователь Петров никак не может распутать это странное дело, но ему на помощь приходит Женя Бронникова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175641-3

© Данилова А. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

1. 15 июня 2002 г	6
2. 12 мая 2022 г	8
3. 13 июня 2021 г	11
4. 15 мая 2022 г	13
5. 15 мая 2022 г	17
6. 15 мая 2022 г	22
7. 15 июля 2019 г	26
8. 15 мая 2022 г	29
9. 15 мая 2022 г	33
10. 9 сентября 2019 г	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Данилова

Земляничное убийство

© Текст, А. Дубчак, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1. 15 июня 2002 г

Какое теплое и солнечное выдалось утро! Птицы в соседней рощице радостно пели-заливались. Небо над головой было прозрачным, без единого облачка, и, глядя в него, Наташе казалось, что ее взгляд пронзает эту бездонную, бесконечную глубину и касается нерва мироздания. Ведь мир устроен сложно, и никому не известно, кто придумал эту землю и заселил ее людьми и животными, посеял первые растения, запустил рыб в океаны. Она часто задумывалась над тем, есть ли Бог, он ли создатель всего живого. Не особо утруждая себя чтением книг или интернетных статей на эту тему, она, однако, время от времени смотрела на ютубе научно-популярные фильмы, но каждый раз разочаровывалась, не находя ответов на интересующие ее вопросы. Так кто же сотворил ее, Наташку, с ее красивым телом и куриными мозгами? Будь она некрасива, вряд ли влипла бы в эту скверную историю, а будь умна – не прозябала бы в магазине за прилавком, может, выучилась бы да и стала бухгалтером или юристом.

Она лежала на все еще прохладной траве и старалась дышать ровно, словно только таким образом могла успокоить бешено колотящееся сердце. Солнце рассеивало свои бледные лучи по небу, а потому еще не слепило глаза. Зажав в ладони теплый земляничный букет, Наташа ловила губами шершавые сладкие ягоды, но вкуса их почему-то не чувствовала. А вот аромат их уловила.

Она лежала посреди земляничной поляны и понимала, что у нее нет сил подняться и вернуться в палату.

То, что она только что сотворила, было спланировано заранее. Она еще неделю тому назад приходила сюда, облюбовала место под молодыми березками, куда и положила завернутую в старую куртку саперную лопату. Там же спрятала пакет со всем необходимым. Бутылка воды, тряпки, анальгин, калоши. Ну и наволочка. Новая, в ромашках. Правда, потом, вернувшись домой, подумала, что снова, в очередной раз, совершила глупость. Зачем отнесла лопату, когда можно было прямо тогда же и вырыть ямку? Быть может, она не сделала этого потому, что не могла пока еще представить себе, что на самом деле решится на такое. Да и размера маленькой могилы не знала.

Она собиралась на следующий день снова отправиться к березкам и даже приготовила ведро для земляники (почему бы не совместить приятное с полезным?), но у нее начались схватки...

Роды прошли «как по книжке». Так сказала ей акушерка Арина, заглянув на следующее утро в палату и сообщив, что сейчас принесут ее дочку, чтобы молодая мамочка ее покормила. Да, может, и по-книжному, да только у нее все болело. Словно тело ее разорвалось, а потом его зашили, и теперь она готова была кричать от боли. И боль не утихала. Словно нарастала с каждой минутой, приближающей ее к моменту, когда она должна была покинуть палату.

План был сложный. Ей предстояло в пять утра забрать ребенка из «детской», потом вместе с ним, точнее, с ней выбраться через окно (открытое ею с вечера) в конце коридора на улицу и быстрым шагом дойти до парка, а там уже рукой подать до березовой рощи, за которой и начинались эти земляничные поля. Главное, чтобы ребенок не заплакал. Иначе та медсестра, что дежурит, услышит плач и остановит Наташу, план сорвется, и она просто скажет, что видела дурной сон, будто ребенка украли, проснулась и решила проверить, на месте ли дочка... Глупая отмазка. Как глупо вообще все, что произошло с Наташей за эти последние месяцы. Надо было сразу избавиться от ребенка. На что надеялась? Что командировочный москвич, с которым она познакомилась в баре «Калиновка» и провела ночь в гостинице с таким же названием, на самом деле вернется за ней и заберет ее с ребенком?

...Теперь все было позади. Самое страшное, что ей предстояло, она сделала. И теперь ей казалось, что ее пальцы пахнут детской кожей. Вот поэтому она уже в который раз растирала

между ладонями землянику. И старалась не смотреть на них, потому что знала – они красные, в земляничном соке, а ей все равно покажется, что это кровь. Кровь ее дочери. Ее первого и единственного ребенка, к которому она ровным счетом ничего не почувствовала, когда он родился.

Но надо было возвращаться обратно в роддом. Хотя сил не было. Она и не помнила, как шла обратной дорогой, как миновала пышный парковый розарий, как плелась по пустынным в этот ранний час дорожкам, как забиралась, перекидывая отяжелевшие и словно чужие ноги в грязных тапках, на подоконник коридорного окна, как ложилась на твердую кровать. Главное, что все ее соседки по палате крепко спали. Но так это или нет, она никогда и не узнает...

2. 12 мая 2022 г

– Боюсь спросить, и кто же теперь убирает весь этот огромный и прекрасный дом? – поинтересовалась Антонина, впервые после долгого перерыва появившись в доме братьев Бронниковых, где еще совсем недавно ее близкая подруга Женечка трудилась в качестве домработницы. А теперь вот (кто бы мог подумать?!) вышла замуж за одного из братьев, известного московского адвоката Бориса Бронникова.

Конечно, переступая порог этого дома впервые после свадьбы подруги и не имея возможности встретиться с ней в течение нескольких месяцев (почти полгода пришлось прожить в Самаре, ухаживая за больной мамой, которую она и схоронила), Антонина надеялась увидеть по меньшей мере блики счастья на лице Жени. Но та выглядела как всегда. И Тоня не удивилась бы, увидев в ее руках пылесос или швабру. Больше того, она была практически готова услышать очередную историю подруги о том, как ее обижают в этом доме, как оскорбляют, и виновником всех ее бед был бы, конечно же, Борис Бронников, шикарный мужчина, крутой адвокат и одновременно грубиян, каких свет не видывал. И вот теперь она замужем за ним и даже взяла его фамилию, что было вообще на нее не похоже! Гордая и самостоятельная Женька стала зависима от этого Бронникова. Влюбилась в него, что уже само по себе опасно. Любовь вообще опасная штука. Попытки Тони поговорить с Женей по душам по телефону, находясь в Самаре, всегда заканчивались одинаково: новобрачная в свой медовый месяц никого, похоже, не хотела ни видеть, ни слышать и вежливо сворачивала разговор. Позже ограничивалась какими-то дежурными фразами, типа «все нормально, потом поговорим». Тоня не обижалась, напротив, она переживала за подругу, и каждый раз после такого короткого разговора ей казалось, что Жене плохо. Конечно, разговаривали они и по видеосвязи, и Женя выглядела хорошо, во всяком случае синяков на ее лице не наблюдалось, чего так боялась Тоня. Но все равно она изменилась и казалась какой-то неуверенной в себе, встревоженной. Вот и сейчас, когда Тоня вернулась из Самары домой, к себе в Подольск, где в нескольких километрах от нее в пригороде и проживала Женя, когда они встретились и обнялись, ей показалось, что подруга того и гляди заплачет.

– Тоня, вот скажи, тебя действительно это интересует? Кто убирается здесь? Ты серьезно? – Женя горько усмехнулась. – Да я и убираюсь. Но когда надо помыть окна или еще что-нибудь, приглашаю одну женщину из поселка, ее зовут Галина Петровна, она и помогает. И в саду работает. Так что, как видишь, я не особо утруждаю себя.

Тоня была уверена, что они с Женей, как это было раньше, уединятся в ее маленькой комнатке или на кухне, и была приятно удивлена, когда подруга накрыла стол в гостиной. Красивая, в маках, скатерть, дорогой фарфор, ваза с невероятными розовыми пионами. В распахнутое окно, играя прозрачными занавесками, врывается теплый июньский воздух. И тишина. Словно в доме никого нет.

Тоня сжала ладонями Женины руки и посмотрела ей в глаза:

– Ты мне скажи честно: ты счастлива?

Женя отвернулась. Потом пожалала плечами.

– Женя, пожалуйста, будь со мной честной. Он обижает тебя? Ты вон какая бледная. Бьет? – Тут Тоня помрачнела и сдвинула брови.

– Да никто меня не бьет, – отмахнулась от нее Женя. – Успокойся. Все нормально.

– Ну и ладно. Не хочешь рассказывать – не надо, – обиделась Тоня.

– Говорю же, все хорошо. Даже слишком.

– Он сейчас дома? – с опозданием спохватившись, спросила Антонина.

– Никого нет дома. Все уехали по делам. Только Галина Петровна в саду занимается цветами. Нам с ней просто повезло! Ты мне лучше расскажи о себе. Еще раз, Тоня: соболезную тебе. Даже не представляю, как тебе было тяжело. Так долго была там. Рядом... А как же твой муж, Серега, здесь с детьми?

– Да все нормально. Справился. А я тем временем побывала словно в другом измерении. Увидела смерть. Это страшно. Но зато я не отдала маму в хоспис, до последней минуты была рядом с ней.

– Какая ты молодец! Между прочим, я могла бы приехать и помочь тебе с похоронами.

– Ты и без того помогла, деньги прислала, хоть я и не просила, мы справились бы сами.

– Тонечка, ты угощайся. Пирог с вишнями, сама испекла, между прочим. С третьей попытки получилось. И даже низ пирога пропекся! Твой любимый чай с соусом заварила. Галина Петровна угостила вареньем из лесной земляники...

– Вот! – вдруг воскликнула Тоня, вскидывая указательный палец. – Вспомнила, с чем ехала к тебе. Хотела посоветоваться.

– Чаю выпей, потом расскажешь, – улыбнулась Женя.

– Чай никуда не денется... Значит, так. У меня есть старшая сестра, Аня. Я тебе рассказывала про нее. Она сто лет тому назад развелась со своим Сашкой, долгое время жила одна, воспитывая Леночку, дочку, а недавно встретила мужчину, хорошего человека, влюбилась, и вот теперь он повез ее в Сочи знакомиться с матерью. Он там живет, у него свой дом, сад, ну и все такое. Словом, моя сестра теперь, возможно, переедет туда. А вот Лена не хочет никуда перебираться. Если ты помнишь, они живут на Волге, в маленьком таком провинциальном городке Калина. Очень живописное, я скажу тебе, место. Просто рай!

– Хочешь туда поехать?

– Как ты догадалась? Да! Лена позвонила и попросила приехать. Сказала, что соскучилась по мне, призналась, что после того, как мать закружилась в своей новой жизни, ей как-то одиноко стало. Может, она обижается на Аню, что та мало времени ей уделяет. Короче, зовет меня, просто умоляет приехать к ней, погостить. Заманивает как раз вот земляничкой. Я почему и вспомнила, глядя на твое варенье. Там сейчас сезон, земляники просто море! Но дело-то, конечно, не в землянике. Я бы хотела поехать туда, чтобы немного прочистить мозги Ленке. Эгоистка! Не понимает, что мать всю жизнь одна, что и ей тоже положена порция женского счастья. Хочу поговорить с Ленкой по душам, по-женски, чтобы она отпустила мать. Ленка взрослая уже, в десятом классе учится. Ей семнадцать! Она воспитанная такая, хозяйственная, все знает и умеет. Она справится. А я буду ей помогать, приезжать. Да мы вообще всегда на связи! Потом, глядишь, в институт поступит в Москве, мы с Сергеем поможем найти квартиру, у меня есть кое-что на примете, одна моя знакомая в Турцию переехала, боится квартиру чужим сдавать, словом, там все перспективно. Да и связи кое-какие имеются. Короче, Ленка здесь не пропадет. И матери не будет мешать на первых порах. Ну а потом, глядишь, и сама попросится в Сочи, в этот рай. Как ты думаешь?

– Да отличный план! В чем подвох-то? Зачем советовать, когда и так все ясно?

– Снова Сергея оставлять с детьми?

– А... вон ты о чем. А ему не приходило в голову, что ты за эти месяцы устала?

– Приходило. Он даже хотел меня в санаторий отправить.

– Тогда тем более – поезжай в свою «калину-малину». Сменишь обстановку, наешься земляники, варенья наваришь, потом меня угостишь.

– Ты серьезно?

– В смысле?

– Мне показалось, что и ты... Ладно, проехали...

– Не проехали, Тонь. Возьми меня с собой. Так что-то земляники захотелось!

– Женя!

– Мне тоже надо сменить обстановку. Я тоже устала.

– От чего? – Тысячи вопросов готовы были прорваться наружу, Тоня едва себя сдерживала. Но вовремя остановилась.

– От чего, от чего... Да как-то все неестественно у нас, понимаешь? Ты вот спрашиваешь, не бьет ли он меня. Тоня, – Женя перешла на шепот, – он с меня пылинки сдувает. На руках носит. Понимаешь, да? На меня навалилось такое облако счастья, что я просто не выдерживаю. Он идеален. От того Бориса, который терроризировал меня, ничего не осталось. Он так меня любит, как если бы у него от этой самой любви крышу снесло... Он сильно изменился. Исполняет все мои желания, целует мне даже, стыдно признаться, пальцы на... Ох...

И тут она густо покраснела.

Тоня сидела, пораженная. Зато она успокоилась. Слава богу – любит!

– Так что тебя так напрягает?

– Временами мне кажется, что я мешаю ему жить. Он сейчас ведет сразу два дела. Оба сложнейшие. Он мне теперь все рассказывает, если только видит, что мне интересно. Так вот, ему надо много работать, а ему кажется, что я обижаюсь на него за это, вернее, за то, что он постоянно сидит в своем кабинете. А мне как раз и хорошо, что он занят, что я могу почитать, погулять, съездить в Москву по магазинам. Мне, конечно же, не хватало тебя, Тоня. Так хотелось поехать с тобой куда-нибудь в красивое место, выпить кофе, поесть пирожных... У тебя там горе, а я живу как в раю. Потому и не могла особенно-то рассказывать тебе про свою жизнь. Ты боялась, что меня здесь обижают и бьют, а мне подарили кольца с бриллиантами, шубы, новую машину! Он балует меня страшно! Но я-то ему ничего не могу дать. Нет, конечно, я тоже его люблю, но не могу постоянно признаваться в своих чувствах... Короче, я утонула в любви. Я хочу выбраться из этого сладкого сиропа и глотнуть нормального свежего воздуха. Сменить обстановку, короче. Вот. И если бы ты согласилась взять меня с собой в путешествие на Волгу, я была бы просто счастлива.

– Невероятно! Господи, Женя, как же я за тебя рада! Так... Постой. А Борис-то тебя отпустит?

– В смысле? Он мне кто? Хозяин, что ли? Мы с ним договаривались еще на берегу, что я человек свободный и могу перемещаться в пространстве, куда мне захочется.

– К счастью, Калина – на Волге, это далеко от Украины... – Тут лицо Тони помрачнело. – Знаешь, вот так живешь и не предполагаешь, что нас ждет...

– Успокойся, Тоня. Все будет нормально. Главное сейчас – побольше молчать и молиться за наших. Вот так. Что же касается Бориса, то он, я думаю, тоже отдохнет от меня. Бессознательно отдохнет. Я хочу сказать, что он почувствует себя свободнее и с головой уйдет в работу. И перестанет испытывать чувство вины передо мной за то, что много работает... Как видишь, у нас все как-то сложновато.

– Да у вас все просто потрясающе! Женя, если ты поедешь со мной, это будет праздник! Ты даже представить себе не можешь, как там красиво! У Ани хороший дом, сад, цветы! Ленка как обрадуется!

– Когда едем? – Вот только теперь щеки Жени порозовели, а глаза счастливо заблестели.

– Да хоть завтра! Я со своим Сергеем поговорю, сегодня куплю что-нибудь в дорогу, подарки там... Завтра утром, если ты не против, и отправимся!

– Но только чур на моей машине, уговор? У меня теперь шикарный черный «Мерседес»! Волшебная машина. Зверь!

– Поздравляю... Класс! Женька, как же я рада за тебя!

– А я так благодарна тебе, что ты увезешь меня отсюда! Из этого рая! – рассмеялась своим прежним залившимся смехом Женя.

3. 13 июня 2021 г

Владимир Иванович Соколовский, распрощавшись с юбиляром, своим сослуживцем, веселым и добрым Виктором Евгеньевичем Мироновым, расцеловав его в розовые, пахнущие сладким одеколоном щеки, вышел из шумного, заполненного громкой музыкой и смехом ресторана на свежий воздух и понял, что не хочет идти домой. Там его ждала приболевшая гриппом жена. Сын-подросток гостил у тещи. Находясь в благостном настроении, пьяненький и расслабленный, Владимир Иванович, вдруг представив себе, что его ждет дома, даже поморщился. Скукота, сонная больная жена с лающим кашлем, бесконечно сморкающаяся в бумажное полотенце, приглушенный звук телевизора и какая-то безысходность. А еще взгляд супруги – она всегда словно укоряет его за что-то. Либо за то, что он изменяет ей (хотя она точно не в курсе), либо за то, что он, в отличие от нее, здоров, либо за то, что у него веселый и легкий нрав, а у нее вместо крови по жилам текут грусть и тоска.

Верочка – вот кто ему сейчас нужен, чтобы разделить с ним его хорошее настроение или даже приумножить его. Вот она просто создана для мужчины. Веселая, легкая, с чудесной белозубой улыбкой, ценящая его чувство юмора, всегда готовая к любовным играм и просто красавица. А что еще ему, мужику, нужно? Да ничего! Конечно, было бы куда приятнее, если бы она дарила свою любовь и ласку лишь ему одному, да только как бы это устроить? Предложить ей содержание? Продолжать ли оплачивать ей эту квартирку, что она снимает в центре Калины, или же купить ей отдельное жилье? Но где гарантия, что, став обладательницей собственной квартиры, она не продолжит свое дело, не прекратит там принимать своих клиентов? А их у нее полгорода.

Владимир Иванович старался не думать об этом. Встречаясь с Верочкой, он представлял себе, что он у нее один и что эта маленькая, красивая и хрупкая женщина принадлежит только ему. Ему нравилось все: и мягкие каштановые локоны, обрамляющие ее бледное напудренное лицо с розовыми румянами на скулах, и аккуратные черные стрелки на веках, и длинные густые ресницы, и маленькая грудь, и мягкие гладкие бедра, и звучный голосок, и аромат зеленых яблок (так пахли ее духи), и широкая кровать с теплым одеялом, под которым он любил отоспаться после объятий, и мягкий ковер под ногами, и даже тяжелая металлическая дверь квартиры, за которой рядом с Верочкой он чувствовал себя защищенным от той реальности, в которой он чередовал скучную работу с унылой семейной жизнью.

Конечно, он мог бы попробовать что-то изменить в их отношениях, поговорить с ней серьезно, предложить многое из того, чего пока еще не дали другие ее мужчины с тех пор, как она обосновалась здесь, в Калине, но что-то его сдерживало. Возможно, те слухи, что распространялись по маленькому городку, в котором они проживали, и та людская жестокость, которой они были пропитаны. Поговаривали, что Вера Карагозова приехала в Калину из областного города, где ее чуть не убили за связь с женатым бизнесменом. Что группа женщин заманила ее за город и, словно копируя чудовищную по своей жестокости сцену избиения падшей женщины из фильма Торнаторе «Малена» с Моникой Беллуччи в главной роли, серьезно покалечила. И что, якобы придя в себя и не растерявшись, живучая и сильная Верочка подала на женщин в суд, но согласилась принять полмиллиона рублей от обидчиц взамен на то, что она заберет из полиции свое заявление. Говорили, что у нее был сломан нос и свернута челюсть, поломаны ребра и чуть не вытек глаз. Но ничего такого Владимир не замечал – Верочка была прелестна, никаких шрамов не наблюдалось, и вообще она казалась совершенно здоровой.

Он поднялся в ее квартиру, позвонил. Никто ему не ответил, не открыл. Но Верочка точно была дома – окна-то светились! Значит, она не одна? Надо было позвонить ей, тогда он

хотя бы знал, можно к ней или нет. Вот что значит выпить лишнего – мозги совершенно не работают.

Владимир Иванович вдруг понял, что никуда-то он не денется до тех пор, пока Верочка не освободится, пока от нее не уйдет тот, кто занимает сейчас его, Владимира, место в ее постели. Будет сидеть на ступенях лестницы в ее подъезде и ждать. Но домой точно не пойдет. От одной мысли об этом ему становилось нехорошо. Он словно бы на мгновение уловил кисловатый лекарственный запах больной жены и поморщился.

Может, развестись с ней? Оставить ей эту квартиру, купить другую и начать новую жизнь? С Верочкой.

Время шло, возможно, он находился в подъезде больше получаса, и терпение его было на исходе. А что, если звонить в дверь до тех пор, пока она не откроет? Вот просто не выдержит, разозлится и распахнет дверь. Разве при таком шуме ее клиент захочет заниматься с ней тем, за чем и пришел к ней? Он тоже разозлится. Если женат, то вряд ли покажется, но скажет ей раздраженно, мол, иди, улаживай все, чтобы было тихо. И вообще, кто это пришел?

Но, несмотря на то что он звонил дерзко, вдавив кнопку звонка и не отпуская ее, на шум никто не вышел. И никто не произнес ни звука. И тогда Владимир Иванович машинально дернул за ручку, и дверь открылась. Вот это было вообще неожиданно.

– Вера? – Он просунул голову в слабо освещенную переднюю, где моментально обозначились на коврике аккуратно стоящие домашние тапочки Верочки, красные, с белым помпоном, и ее туфельки, серые, на шпильке. Квартира была освещена, свет лился из гостиной. Но тишина настораживала. Неужели Вера забыла запереть дверь (или ее гость просто не счел нужным это сделать, переступив порог квартиры) и теперь обнималась с ним в спальне, уверенная в том, что они в квартире одни?

– Вера? – Владимир Иванович позвал ее уже не так громко, ибо чувствовал себя неуверенно без хозяйки в чужой квартире. – Ты где?

В гостиной был накрыт стол на двоих. Два хрустальных бокала, бутылка коньяка, закуска, недоеденная еда на тарелках, подсохшая клубника на блюде, скомканные салфетки...

Прижавшись ухом к двери, ведущей в спальню, Владимир Иванович перестал дышать, прислушиваясь к тишине. Спят, что ли?

Не выдержав этой неопределенности и готовясь к самому худшему – открывшейся ему картине со сплетенными обнаженными телами, он осторожно приоткрыл дверь...

4. 15 мая 2022 г

– Эмма Евгеньевна? Вы? Проходите, пожалуйста!

Лена впустила женщину в дом.

– Леночка, привет! Я к тебе с хорошими вестями и предложением, от которого ты просто не сможешь отказаться.

Эмма Евгеньевна Атамас была личностью в маленьком провинциальном городке Калина легендарной. Богатая бездетная вдова, проживающая в доме, скорее напоминавшем дворец, окруженный садом-парком, последние десять лет она только и занималась тем, что помогала всем и каждому, кто бы ни обратился к ней за помощью. Все в Калине знали и понимали, что делает она свои добрые дела от чистого сердца, что именно отсутствие детей сделало ее такой и жизнь ее наполнилась смыслом только после того, как она занялась реальной благотворительной деятельностью. Нет, она не раздавала свои деньги налево и направо, она действовала масштабно и разумно, организовала, к примеру, выкупив старую, еще советских времен, столовую, горячие обеды беднякам, куда устроила на работу всех страждущих и безработных женщин, научив их варить борщ и жарить котлеты. Арендовала на двадцать лет старый кинотеатр, переоборудовав его под общежитие для женщин – жертв домашнего насилия. Открыла бесплатные курсы швей-мотористок для девушек, которые потом неплохо устраивались в областном городе в частных ателье и модных салонах, и много чего другого, безусловно полезного для жителей города.

– Ой как у тебя хорошо! Чисто, свежо! – воскликнула она, оглядывая просторную, залитую утренним солнцем кухню с новой мебелью и голубой плиткой над плитой. – Это все мамин жених устроил? Помог?

– Да, он хороший, – вынуждена была согласиться Лена, десятиклассница, высокая стройная девушка с длинными стройными ногами и распущенными волосами, доходящими до талии. На Лене было домашнее желтое платье и смешные плюшевые тапочки в виде щенков.

– А чего же тогда так грустно говоришь? По маме скучаешь?

– Да конечно! Уехала, можно сказать, насовсем. Как тут не грустить? Хотя, с другой стороны, думаете, я не понимаю, что по-другому никак нельзя? Что у него там, на море, свой дом, хозяйство и что маме будет там хорошо. А главное, они любят друг друга. А я тут привыкну жить одна. Все-таки я уже взрослая. Может, вскоре замуж выйду.

– Замуж – это хорошо. Но для начала надо бы окончить школу, да? – Эмма Евгеньевна говорила это, глядя как-то мимо глаз Лены, словно поверх ее головы, словно рот ее говорил сам по себе, а голова ее была занята своими мыслями. – Леночка, я тут решила организовать частный детский садик, документами сейчас занимаюсь, оформляю. Ты же знаешь старую пекарню в самом центре, здание заросло кустами шиповника, травой... Так вот, я пригласила специалистов, там все осмотрели, оценили и пришли к выводу, что здание еще крепкое, красного кирпича, там только крышу подправить да и внутри отремонтировать. Хотела предложить тебе поработать там штукатуром. Да-да, не смотри на меня своими большими глазами! Знаю, что ты не умеешь штукатурить, но Валентина Петровна, ты ее знаешь, научит вас, девчонок. Сегодня должны уже привезти материал, инструменты. Поработаешь лето? Экзаменов у тебя в этом году нет, вы, типа, отдыхаете, вот и поработай, я хорошо заплачу! Просто хочется, чтобы все были при деле и ни в чем не нуждались.

– Эмма Евгеньевна... У меня даже слов нет. Конечно, поработаю! Детский сад, частный, в нашей Калине! Сколько мамочек освободится!

– О чем и речь! И все на птицефабрику пойдут работать, там сейчас расширяются, нужны работницы, птичницы. Потом Кузнецов, фермер наш, знаешь, тоже расширился, построил еще один коровник, молока будет много, можно будет его перерабатывать, я кого-нибудь из наших

женщин отправлю в Углич, в институт маслоделия и сыроделия, на курсы сыроваров. Хочу, чтобы и у нас тоже делали свои фирменные сыры, так и назовем их: «Калина». Короче, дел у меня невпроворот!

– Класс! Сколько в вас энергии! Завидую вам.

– Мне скоро шестьдесят, милочка. Это я должна тебе завидовать, что ты такая еще молодая, что у тебя все впереди! А я, пока, как ты говоришь, энергия есть, должна многое успеть сделать в этом мире. Детей нам с Ванечкой бог не дал, и кому я оставлю все нажитое нами, заработанное моим мужем? Не государству же? Вот и помогаю, как могу. К счастью, многие акции мои выросли в цене, да и другие источники имеются. Короче, надо работать и многое успеть! Хочу, чтобы о нашей Калине вся страна знала. Вот так. Значит, договорились? Пойдешь штукатуром?

– Пойду. Мне деньги нужны. Хочу шубку себе купить к зиме. Да и сапоги. А цены сейчас сами знаете какие.

– Главное – чтобы не было войны. А остальное – мы справимся. И с голоду уж точно не умрем. И поменьше на эту тему говорим, да? Все видим, переживаем, но без провокаций... Вы молодые, многое не понимаете, поэтому смотрите и слушайте только проверенные источники. Я уверена, что все скоро закончится и победа будет за нами...

– Эмма Евгеньевна, вы только делаете вид, что у нас все по-прежнему, что вроде как ничего и не изменилось, или тоже переживаете, как и я?

– Да сейчас все только об этом и думают. И все, просматривая сводки или слушая новости, крестятся, молятся, чтобы все поскорее закончилось. Всем страшно, Лена. Украина – большая тема. Никто не должен быть равнодушен. Но пока голова занята всеми этими размышлениями, пока душа плачет по погибшим солдатам, руки должны делать что-то полезное. Понимаешь?

– Да, конечно.

– Тебе позвонят и назначат день и час, когда вас соберут. Ну все, я пошла. Нравится мне у вас. Такой большой и уютный дом, а уж про вашу шикарную веранду я вообще молчу! Представляю, как хорошо вечером посидеть под лампой с самоваром. Сказка!

Только за Эммой Евгеньевной закрылась дверь и Лена проследила, как она вышла со двора и пошла по улице, как слезы брызнули из глаз. Штукатурить! Да хоть улицы подметать, лишь бы только платили! Ей деньги сейчас ох как нужны. И на лекарства, и на то, чтобы выходить Игоря, поставить его на ноги.

Она посмотрела на часы – примерно через полчаса прибудет тетя Тоня, она звонила недавно, сказала, что они проехали мост, значит, совсем скоро Лена услышит звук подъезжающей машины, голоса... Тетя Тоня сказала, что едет не одна, с подругой, потому что ехать одна так далеко не решилась, а подруга «что надо, тебе понравится».

– Леночка, солнышко мое!

Вот это было настоящее счастье! Любимая тетя прикатила из Москвы, чтобы поддержать, обнять свою племянницу! Какая же она классная, родная, милая!

Невысокого роста, румяная, с шапкой кудрявых волос, Антонина, едва переступив порог дома, принялась хозяйничать, носить сумки, пакеты, чемоданы. Подруга ее, рыжеволосая худенькая девушка в джинсах и пестрой блузке, по большей части молчала, вела себя скромно и словно старалась вообще не попадаться Лене на глаза. Словно ей было неудобно находиться в чужом доме, как если бы она напросилась сюда. Но, несмотря на то что Лена еще не успела перекинуться с ней и словом, она почувствовала исходящую от нее доброжелательность, возможно, дело было в ее чудесной улыбке.

– Вот, познакомьтесь, это моя племянница Лена, а это – моя близкая подруга Женя! Прошу любить и жаловать! – Антонина обняла обеих. – Девочки мои, как же хорошо, что я с вами, что могу хотя бы немного отдохнуть и расслабиться!

Лена, спохватившись, что за своими проблемами и переживаниями она подзабыла, что пришлось пережить тете, уже в который раз выразила ей свои соболезнования.

– Вы простите маму, что она не приехала. Она очень хотела...

– Я сама отпустила ее, я же все понимаю... Все нормально, не заморачивайся. Мама, боюсь, ее и не узнала бы.

– Она переживала, ей казалось, что...

– Лена, успокойся. Главное, что она нашла своего человека, что теперь счастлива. Жизнь продолжается. Сейчас немного отдохнем с дороги, выпьем чайку, если ты не возражаешь...

– Да у меня обед! Я гуся запекла. Надеюсь, вы не откажетесь, – постаралась взять себя в руки Лена, хотя чувствовала приближение слез, силы ее просто таяли. И тут, словно помимо ее воли, она разрыдалась. Кинулась на грудь Антонине и просто зашла в плаче.

– ...Мы любим друг друга, – рассказывала она уже позже, когда они втроем сидели на веранде и Антонина с Женей внимательно слушали рассказ Лены. – Понимаю, он наш учитель истории и намного старше меня, ему сейчас тридцать три. Но что делать, если и он полюбил меня, и я – его?!

– Ты беременна от него? – спросила Антонина.

– Нет, дело не в этом!

– А в чем же тогда? Ты так плачешь... Он тебя бросил или женат?

– Да нет же! Он свободен, он даже не был женат, и у него нет детей. Он красивый, просто умопомрачительно красивый мужчина, в него все наши девчонки влюблены. Но он предпочел меня, и мы с ним обязательно поженимся!

– Вы с ним близки?

– Ну да... – покраснела Лена. – Но об этом, я полагаю, никто не знает. Во всяком случае, мы скрываем наши отношения и встречаемся только в одном старом доме на окраине города. Теть Тонь, вы знаете этот дом, там раньше жила бабка Клюева, помните? Мы все покупали у нее носки и свитера из овечьей шерсти. После того как она умерла, дом стоит пустой. Но там чисто и сухо. Короче, вот так...

– А слезы-то откуда? Матери боишься, что ли? Честно говоря, я уже устала что-то предполагать.

– Дело в том, что его три раза подряд хотели убить. И это просто счастье какое-то, что он выжил. Первый раз это было на весеннем балу, он выпил шампанского, как и все мы, и почувствовал себя плохо, упал, ему вызвали «Скорую»... Короче, его отравили. И кто поднес ему это шампанское, он не помнит. Может, кто-то из официанток. Потом, буквально через месяц после того, как он пришел в себя и вышел из больницы...

– Так он в больнице лежал? Так все серьезно?

– Ну да! – проговорила Лена уже сквозь слезы. – Так вот, потом его чуть не сбила машина! Вернее, она сбила его, но задела слегка, он просто упал и откатился... Дело было ночью, он как раз возвращался из нашего домика к себе. Мы договорились с ним там встретиться, но я не смогла выйти из дома. Меня вообще кто-то запер! Он согрел комнату масляным радиатором, их там три! Ждал меня, а я не пришла. Позвонила ему, объяснила, что у меня дверь заперта. Просто кто-то подпер дверь бревном! Игорь пришел, и это после того, как его сбила машина, отпер меня... Мы сразу поняли, что у нас появились враги. Думаю, кто-то из школы, может, учительница какая. Хотя у него никаких связей там ни с кем из учителей не было. Он недавно у нас, в прошлом году приехал в Калину.

– И где он сейчас?

– Да в больнице снова! Кто-то запустил в его дом змею! Есть такая ядовитая змея, бойга. Типа гадуки. Она забралась к нему в портфель для ноутбука, и когда он стал открывать, она выползла и укусила его за руку, и теперь он в больнице! Его рвало, у него голова кружилась, я думала, что он умрет! А я здесь одна! Мамы нет, никто о нас с ним не знает! Полная засада!

– Ты поэтому мне позвонила?

– Да. Мне страшно. Подумала, может, мы вместе вычислим, кто вот уже три раза покушался на Игоря?

– А он сам кого-нибудь подозревает?

– Да нет... Говорит, что если бы не случай с наездом машины, то он мог бы подозревать кого угодно из своих учениц. Дело в том, что ему время от времени посылают записочки с признаниями в любви, поджидают его возле дома, типа хотят попросить какую-то книгу, договориться о дополнительных занятиях.

– Вы список этих влюбленных девочек хотя бы составили? – это спросила уже Женя.

– Да, конечно! Я сама лично встречалась с девчонками, пыталась вывести их на открытый разговор. Но как разговаривать, не выдавая себя? Стоит мне только произнести его имя, как начинается разговор совершенно другого толка, типа как бы его охмурить, как сделать, чтобы он обратил на нее внимание, вот все в таком духе, понимаете?

– Ты не боишься забеременеть? – все же спросила Антонина. – А что, если он не женится на тебе и ты останешься с ребенком на руках? Таких случаев знаешь сколько?

– Нет. Он заботится обо мне и говорит, что это исключено. Думаю, вы понимаете, о чем я... Уф... так тяжело говорить с вами, тетя Тонь, об этом.

– А я сейчас думаю о том, как же хорошо, что мы к тебе приехали. Ты тут, похоже, в настоящем аду живешь!

– Да не было бы никакого ада, у нас уже был план, Игорь собирался встретиться с кем-то из администрации, чтобы узнать, как начать оформление брака, с чего начать и все такое... Возможно, нам понадобилась бы справка о моей беременности, которой еще нет... Словом, все шло к тому, чтобы мы оформили наши отношения, чтобы зарегистрировали брак, как вдруг эта змея в портфеле!

– Ты что-нибудь знаешь о такой змее? – обратилась Антонина к Жене.

– Нет. Но можно узнать. Кстати, а как вообще выяснили, что это за змея? Ее поймали?

– Участковому, оказавшемуся настоящим храбрецом, удалось сфотографировать ее, после чего она сразу исчезла, уползла... Он быстро запер дверь, вызвал МЧС. Но змею не нашли. Возможно, она уползла из квартиры, пока дверь была открыта

– Да ваш участковый просто храбрец, герой! – поджав губы, проговорила Антонина.

Раздалась громкая музыка – ожил телефон Жени. «Моцарт», – подумала Лена.

Женя, извинившись, удалилась в соседнюю комнату.

– ...Я сейчас сильно занята, позже тебе перезвоню, – услышала Лена и посмотрела на Антонину.

– Это ее муж, звонит ей постоянно, переживает, – шепотом объяснила она. – Они молодые.

– А... понятно. Счастливые. Не то что мы.

5. 15 мая 2022 г

– Какая же она хорошенькая! – Это было первое, что сказала Женя, едва они остались в доме вдвоем с Антониной. Лена пошла в больницу навестить Игоря Сергеевича. – Неудивительно, что он влюбился в нее. Ну вот она пошла сейчас туда, разве не понимает, что наверняка весь город знает об их связи? Иначе как она объяснит свое появление в его палате? Что просто пришла к нему одна из его учениц?

Я думаю, что это уже от отчаяния. И ты права, я тоже думаю, что весь город наблюдает за этим романом. Не понимаю только одного. Вот я сама почему-то сначала подумала, что все эти так называемые покушения – дело рук одной из влюбленных в этого учителя истории учениц. Но почему мне это пришло в голову – не пойму. Вот если бы (не дай бог, конечно) вред пытались причинить Лене, тогда было бы логично. Но желать смерти или тяжелой болезни человеку, которого любишь, – это полный бред! Получается, что дело вообще не в любовной истории. Если ты не против, я могла бы развлечься тем, что попыталась бы выяснить все об этом Игоре Сергеевиче Лебедеве. Может, принесла бы пользу. Как ты считаешь?

– Ну а что ты можешь здесь сделать, ты, новый человек в городе?

– Устроюсь санитаркой в больницу, где он лежит. Только для начала выясню, как скоро его собираются выписывать.

– А что, можно. Но тогда тебе придется выполнять грязную работу...

– Ничего страшного. Днем буду мыть полы и носить судна, а вечером проводить время в вашей прекрасной компании, пить чай, есть пироги, которые ты напечешь! – рассмеялась Женя.

– Ну не знаю... Пироги напеку, не вопрос. Но мне будет как-то неудобно, если ты будешь мыть полы в больнице.

– Помнишь наше последнее дело? Там, чтобы избавиться от депрессии, молодая женщина, Ольга Корнетова, устроилась в клининговую компанию, чтобы прийти в себя.

– У нее проблемы были, от нее муж ушел. А у тебя-то все наоборот – твой супруг обожает тебя.

– От этого тоже можно устать. И эти его постоянные звонки и объяснения в любви меня изрядно утомили. Так не должно быть, Тоня. Чрезмерная опека, от которой я просто задыхаюсь, следствие какого-то болезненного чувства ко мне Бориса. Пусть побудет один, успокоится.

– Ты не любишь его?

– Конечно, люблю. Но не собираюсь даже ради него менять свою жизнь, привычки. Я же не требую от него каких-то радикальных перемен. Он занимается своим делом, занят по горло, у него ответственная работа. Так пусть и у меня будет немного своей личной жизни. Не в том плане, как принято считать, что личная жизнь – это любовные отношения людей, а так называемое личное пространство, где я могу хотя бы отчасти почувствовать себя свободной. Поэтому ты позвони Лене и спроси, когда этого историка собираются выписывать. И если у меня есть хотя бы неделя, то я поеду в больницу, устроюсь туда санитаркой (уверена, меня возьмут, насколько мне известно, в больнице всегда требуется такого рода персонал) и понаблюдаю за нашим героем-любовником.

– Да... Возможно, только таким образом можно будет с ним как бы познакомиться поближе и поговорить. К тому же ты сможешь тогда увидеть тех, кто навещает его, оценишь его реакцию на тех, кто приходит к нему.

– Или того, кто попытается его снова отравить или удушить подушкой. Ну и дельце у нас вырисовывается! И все бы ничего, я стала уже привыкать к такого рода расследованиям, если бы дело не касалось близкого тебе человека.

– О чем и речь!

Выяснив от Лены, что Лебедева пока что не собираются выписывать, поскольку он еще слаб и долго будет лежать под капельницами, Женя вызвала такси, чтобы доехать до больницы.

– Меня не поймут, если я на своей новой шикарной машине приеду устраиваться санитаркой.

– Я могу поехать с тобой.

– Нет. Я просто отправлюсь на такси. А ты оставайся дома, дождись возвращения Лены и постарайся ее успокоить. А заодно выведай, на самом ли деле она не беременна. Насколько мне известно, от таких романтических отношений между школьницами и красивыми учителями рождаются детки. Признаться, мне эта история вообще не нравится. Да и Лебедева этого я уже заранее презираю за связь со школьницей.

– Да я и сама переживаю.

– Ладно. Разберемся.

Понятное дело, что никакой трудовой книжки у Жени при себе не было. Пришлось на ходу придумывать историю о том, что ей, попавшей в трудное положение, просто надо временно где-то подработать. Главврач, мужчина лет шестидесяти, с уставшим лицом и практически лысой яйцевидной головой, привыкший в силу своей деятельности на сложном медицинском трудовом фронте на многое закрывать глаза, с радостью, нелегально, принял ее на должность и отправил к сестре-хозяйке. Получив устные инструкции, серый фланелевый, жуткий в своей унылости халат и инвентарь, Женя отправилась осваивать территорию большой трехэтажной больницы.

Палату, где лежал учитель Лебедев, она нашла быстро, вошла, поздоровалась с больными, лежащими на кроватях (это были мужчины разного возраста, от одного вида которых хотелось заскулить от тоски), быстро определила кровать, на которой лежал подсоединенный трубкой к капельнице пациент с перебинтованной левой кистью, подошла к нему и задержалась, надеясь, что он, бледный и растрепанный, откроет глаза.

Судя по очертаниям тела под шерстяным одеялом, он был высокий. Худощавый. Но, надо признаться, даже в таком вот неприглядном больничном обличье красивый, чего уж там. В такого учителя невозможно не влюбиться. Женя задержала свой взгляд на его губах, представила себе, как он целовал ими нежные губки Леночки. Так кому же это могло не понравиться? Быть может, тому, кто раньше претендовал на нее, на ее губы и на все остальное? Может, у нее был парень, которого она бросила, отдав предпочтение взрослому мужчине, а мальчик люто возненавидел Лебедева и поэтому решил ему отомстить? Как же она раньше не поинтересовалась этим вопросом?

– Вы не возражаете, если я помою у вас здесь, под кроватью? – спросила она тихо, чтобы не разбудить тех, кто, возможно, дремал.

Лебедев открыл глаза. С удивлением посмотрел на нее.

– Я вам не приснилась. Просто боялась вас потревожить. Знаете, я здесь сегодня первый день и мне постоянно кажется, что я всем мешаю, что всех бужу... Здесь, знаете ли, такое тихое царство...

– Надеюсь, в вашем ведре нет клубка змей? – мрачно попытался пошутить он, слегка улыбаясь.

– Почему в моем ведре должны быть змеи? – Она сделала удивленное лицо, отжала механическую швабру и принялась потихоньку водить шершавой полоской ткани под кроватью Лебедева.

– Да его же кто-то пытался отравить, – донеслось откуда-то от двери. Женя повернула голову и увидела на соседней кровати лежащего на боку старика с толстыми синюшными губами. Его седые всклокоченные волосы, казалось, сто лет не знали шампуня.

– Правда? Не верю... – И она принялась тихим голосом рассуждать на эту тему, вспоминая по ходу самые разные истории отравления. Так, бормоча что-то про себя, она вымыла палату и, перед тем как уйти, снова подошла к кровати Лебедева.

– Вас как зовут-то?

– Игорь. – Он с трудом, казалось, разлепил губы.

– Может, вам судно подать или воды принести? Вы говорите. Просто я еще не совсем разобралась с кругом своих обязанностей.

– Воды, если можно. На тумбочке бутылка минералки и стакан.

Но помимо этой бутылки Женя увидела наверняка принесенные Леной баночку с бульоном, яблоки и бананы.

– Скажите, вы серьезно... я имею в виду отравление? И кто же вас хотел отравить? Жена?

– Нет. Я не женат. Понятия не имею кто. Сначала кто-то подсыпал мне яду в шампанское, это весной еще... Потом на меня наехала машина, я едва успел отскочить, дело было поздно вечером, когда совсем стемнело... Теперь вот запустили в портфель змею.

– Ничего себе! – присвистнула Женя и, словно забывшись, взяла металлический стул и придвинула к лебедевской кровати. – Какие страсти кипят здесь у вас, в вашей Малине!

– Калине.

– Ну да, конечно, Калине.

– А вы здесь что делаете?

– Не бойтесь меня, я не убийца и не собираюсь душить вас подушкой. Меня, знаете ли, тоже жизнь потрепала, от мужа вот сбежала, в чем была, как говорится. Устроилась временно сюда санитаркой. Главное, чтобы он меня не нашел.

– Кто? Муж?

– Ну конечно!

Он сделал пару глотков воды, поблагодарил кивком головы.

– А хотите, я помогу вам найти того, кто пытался вас убить?

– Гм... Интересно, и как это вы можете кого-то здесь найти, если сами здесь недавно и никого не знаете?

– Мое дело предложить. Просто мне надо чем-то заняться. Сейчас вот полы домою да и пойду домой, вернее, к одной бабке, у которой снимаю угол. И что мне там делать? Скукотища же! У меня ни ноутбука, ничего, кроме телефона, который успела прихватить с собой... Э-эй! Вы куда? Я же только что помыла! – крикнула она, забывшись, что вокруг больные, когда в палату ввалились две девчонки приблизительно такого же возраста, что и Лена. Джинсоногие, румяные, веселые.

– Игорь Сергеевич! – Они обе бросились к кровати своего учителя, как догадалась Женя, положили ему прямо на одеяло два растрепанных букета пионов, розовых и бордовых. И в палате сразу же стало как-то светлее, веселее, и пионовая сладкая душистость перебила крепкий больничный запах. – Как вы себя чувствуете? Кто вас отравил? Весь город гудит, все переживают за вас! Говорят, вас с кем-то перепутали, потому что ну не могли вы никому так крепко насолить, чтобы вам подкинули ядовитую змею...

Женя наблюдала эту сцену с каким-то даже восхищением – настолько девчонки были искренни в своих чувствах, наивны и милы. И, конечно же, влюблены в своего красавца-учителя. Да там одно только лицо – от него глаз было не оторвать. А эти большие темные глаза, классический греческий профиль, губы, созданные для страстных поцелуев. Сколько девичьих сердец было разбито одним только взглядом на это совершенство!

Женя, думая об этом, улыбнулась. Возможно, будь она девчонкой, тоже влюбилась бы в Игоря Сергеевича. Но только в его внешность, красоту. Сейчас, обладая некоторым житейским и любовным опытом, она влюбилась бы скорее в обладателя золотых мозгов (каким, к счастью,

оказался ее муж, Борис Бронников), потому что внешность – это лишь оболочка и под ней подчас скрываются негодяи и подлецы, примеров тому великое множество.

Так, прислушиваясь к голосам, доносящимся из палаты, Женя принялась мыть коридор. Мысль, что лучше бы ей было представиться журналисткой, чем устроиться сюда уборщицей, чтобы расспросить хотя бы этих девчонок о Лебедеве, огорчала.

Однако она дождалась этих длинноногих школьниц на крыльце больницы, попросила сигаретку. Девчонки, достав из своих веселых разноцветных рюкзачков пачки легких женских сигарет, мгновенно стали ей ближе. Стало быть, и они сразу приняли ее за свою.

Зашли за угол здания, закурили.

– Красивый мужик этот ваш учитель, – сказала Женя. – Редкой красоты. И как это его еще не разорвали на части?

– Да его убить хотели!

– Представляете, змею в квартиру запустили, а она заползла к нему в портфель, он начал доставать ноутбук, она и вцепилась в него, укусила! То ли гадюка, то ли бойга... Короче, ядовитая змея.

– Да, прямо вот конкретная ядовитая гадина! Его еле спасли! В школе паника, все думают-гадают, кто бы это мог быть. Он же совсем не конфликтный...

– Да он душка! Так интересно все рассказывает, спокойный, вежливый такой.

– Женат? – на всякий случай спросила Женя.

– Нет. Говорят, что и не был женат. Скромный такой. Да только... – Тут одна осеклась и посмотрела на подружку. Та пожала плечами, мол, как хочешь, рассказывай или нет, твое дело. – У него роман с Ленкой Борисовой. Они встречаются. Вроде бы у них все серьезно. Понятное дело, что они скрываются, думают, что их никто не видит.

– По-моему, у обоих крышу от любви снесло. Они ничего и никого вокруг себя не замечают. Любовь – это же как вирус, зараза, болезнь. От таких чувств кровь может свернуться.

– Точно. Я согласна с тобой, что любовь – это болезнь, – согласилась с ней Женя, затягиваясь сигаретой. – Но она же как бы несовершеннолетняя. Лебедев ваш – взрослый мужик, он не может не понимать, чем это для него чревато.

– Вот если бы мать Ленки не укатила в Сочи или куда там, она же мужчину встретила и типа выходит за него замуж, ничего такого бы и не случилось. Ей бы давно уже позвонили и доложили. А так, говорят, она сменила номер телефона, и теперь до нее не дозвониться. А Ленка и пустилась во все тяжкие. Думаю, она беременна.

– Так кто же мог отравить вашего учителя?

– Никто не знает. Если бы у него была связь с кем-то еще, если бы от него забеременела какая-нибудь учительница, к примеру, можно было бы заподозрить ее или кого-то из ее родственников. Но он – кристально чистый, понимаете! И, если бы не этот роман с Ленкой, я бы вообще записала его в монахи. Вот так.

Ветерок играл длинными волосами девчонок, одна была натуральная блондинка, другая – шатенка. Такие юные, красивые, с чудесной нежной кожей. Сколько еще всего им предстоит пережить, сколько испытаний и разочарований выпадет на их пока еще беззаботные светлые головы! Это сейчас у них взгляд горит, суждения резкие, категоричные и наивные, а сколько нерастраченной романтики в сердце! Потом все это исчезнет, взгляд потухнет, волосы потускнеют от частых перекрашиваний, кожа испортится от курения и нервов, и превратятся девочки в несчастных одиноких брошенок...

Женя замотала головой. Откуда вдруг эти мысли? Что за бред вообще?!

– Может, он живет не один, а, скажем, с каким-нибудь коллегой в квартире? И это того, другого, должны были отравить? – не унималась она, рискуя навлечь на себя подозрение таким

чрезмерным вниманием к персоне учителя. Что, собственно говоря, и случилось в следующую минуту.

– А почему вы так заинтересовались этим делом? – сощуриив глаза, спросила одна из школьниц.

– Да я рассказ собираюсь написать, а если получится, то замахнусь и на роман. Нет, про учителя вашего я ничего не знала, просто устроилась сюда санитаркой, чтобы получше изучить больницу, потому что буду писать детектив, где действие будет развиваться именно в больнице...

Писательство – беспрюирышный и достаточно красивый вариант для мошенников. Девочки мгновенно прониклись к Жене.

– Класс... Я бы тоже писателем хотела стать. Сидишь себе дома, чаек попиваешь, время от времени напишешь пару строк, да и все! Ни тебе начальства, никого над тобой нет. Пиши что хочешь. Рано вставать опять же не надо. Куда-то ехать, мчаться – тоже не надо. Сидишь себе в комфорте, сочиняешь какую-нибудь историю, а тебе за это еще и деньги платят! Шикарная профессия!

– А ты пробовала когда-нибудь хотя бы пару строк своих написать? Я не имею в виду сочинения, которые мы все скатываем из интернета, а вот конкретно свое, личное записать? Да хотя бы свои чувства? Или природу описать? Березки там разные?

Одна из девчонок задрала голову и сощурилась от ярких солнечных лучей, дробящихся в ярко-зеленой кроне гигантской березы, украшающей больничный двор.

– Представляете, мою я полы, собираю материал для будущего романа, и тут вдруг такое везение – в одной из палат лежит учитель, которого пытались отравить! Это же криминал чистой воды!

– Ну, может, для кого-то и везение, – усмехнулась тайная воздыхательница красавца Лебедева, – а для кого-то трагедия.

– Ох, да, извините, пожалуйста! Не хотела затрагивать ваши чувства. Можно еще один вопрос?

– Валяйте!

– А у этой девочки, Лены, не было, случайно, кавалера, который мог бы... сами понимаете что сделать?

– Да вроде нет... Вон смотрите, видите, мужчина идет? Ну. С папкой под мышкой? Это следователь Петров. Он как раз и занимается делом Игоря Сергеевича. Вот вам бы с ним подружиться, тогда не один роман напишете...

И девчонки захихикали.

6. 15 мая 2022 г

- Мы уж думали, что ты не придешь.
- Запыхалась...
- Эмма, ты опоздала на полчаса, это на тебя не похоже.

В краеведческом музее города Калина, в уютном просторном кабинете, одну стену которого занимало огромное овальное панорамное окно, за которым зеленел старый заросший городской сад, собрались женщины-кукольницы.

Душой этого клуба (как они про себя называли это небольшое сообщество единомышленников-мастериц) была Тамара Ивановна Ковтун. И, несмотря на то что в городе за ней закрепилась слава главной сплетницы, она была хорошим организатором выставок, стала настоящим менеджером. Пробивная, владеющая компьютером и своя в соцсетях, умеющая ладить с людьми, она с удивительной ловкостью находила покупателей, коллекционеров, которые приобретали кукол и приносили мастерицам неплохой доход. Помимо этого она организовывала развлекательные туристические туры для своих подружек и каждый раз удивляла своей способностью находить интересные места, умудряясь при этом заказывать самые дешевые билеты или экскурсии. Было у нее другое чудесное качество – Тамара была честной, справедливой и, безусловно, ответственной. Словом, на нее можно было всегда и во всем положиться.

Крепко сбитая крашенная блондинка с аккуратной стрижкой, волосы свои она постоянно подкручивала в пышные кудри, косметикой пользовалась в меру, но губы красила в радикальный алый цвет. Одежду предпочитала строгую, носила жакеты, в ее гардеробе имелось немислимое количество брючных костюмов, преимущественно красного цвета. Муж был ее тенью, помощником, тихим и скромным человеком, преподавал в филиале педагогического института физику. Тамара – единственный член клуба, который не сделал ни одной куклы.

Эмма Атамас помимо бурной общественной, в особенности благотворительной деятельности, насколько хватало времени, шила либо большие, в человеческий рост, мягкие текстильные куклы, либо маленькие, однако лишенные всякого изящества, грубоватые «чайные бабы», которые хозяйки нахлобучивают на заварочные чайники для сохранения тепла.

Зоя Тронникова, полная изящества длинноволосая красавица лет сорока, напротив, была женщиной необщительной, тихой, любила длинные оригинальные балахоны в стиле бохо, носила сделанные на заказ украшения из полудрагоценных камней, просто увешивала свою шею в несколько рядов многочисленными ожерельями и бусами, обожала странные и очень тяжелые кулоны на кожаной тесьме, без шалей вообще не выходила из дома, говорили, что у нее их под пятьдесят штук. Она была самой талантливой кукольницей, ее работы всегда отличались большой оригинальностью, необычностью и даже эпатажностью. Очаровательные милашки-прачки в кружевных панталончиках на пышных попках, выглядывающих из-под льняных ярких юбок, трактирщицы в декольтированных нарядах, изящные барышни в шелковых открытых платьицах, балерины в нежнейших пачках, знатные дамы в расстегнутых корсетах, устроившиеся перед туалетным столиком... Никто не понимал, как ей удается вылепить из полимерной глины невероятно натуралистичные головы и, главное, как получается придать им неповторимость и очарование, не говоря уже о характере рождающейся прямо на глазах куклы. Все свое свободное время Зоя проводила в мастерской (это была пристройка к основному дому, утепленная, застекленная и очень удобная для работы), и когда музей был закрыт, члены кукольного клуба, как они себя называли, собирались именно у Зои. Детей у нее не было, что являлось драмой всей ее жизни. Зато был прекрасный и любящий муж, всегда и во всем поддерживающий свою талантливую жену.

Ольга Курасова, всегда растрепанная и нелепо одетая женщина неопределенного возраста, слыла торопыгой. Она все делала быстро. Кукол своих лепила и одевала со страшной скоростью, словно за ней кто-то гнался или же собирался отнять у нее драгоценный материал или инструмент. И хотя многие ее куклы были сделаны наспех, в каком-то творческом порыве, их отличала такая милая небрежность, что это воспринималось как должное: разве могут быть тщательно причесаны и прилизаны лесные нимфы или симпатяги-лешие? Поговаривали, что большую часть своего времени она проводит на кухне – Ольга пекла пироги на заказ. Была не замужем, но особенно от этого не страдала. Больше того, считала, что мужчины по большей части являются помехой и доставляют женщинам множество хлопот и проблем. Как большие дети.

Фаина Осина – лесной человек, полевой и луговой. Травница. В ее большом и уютном доме всегда пахнет сушеными травами. Помимо того что она каждое воскресенье продавала на рынке целебные травы и настои, она еще научилась делать роскошные букеты из полевых сухоцветов. Настоящие произведения искусства, которые мастерица дорого продавала на «Ярмарке мастеров» наряду со своими оригинальными куклами, отличавшимися от работ ее подруг тем, что наряды всех этих смешных и милых девчушек с нежными гладкими розовыми личиками из полимерной глины были щедро украшены шелковыми цветами, удивительно похожими на настоящие.

Фаина всегда была редкой, патологической чистюлей. Говорят, что именно по этой причине она так и не вышла замуж и всю жизнь прожила одна. Однако характером обладала золотым, как человек неконфликтный, открытый, остро чувствовала несправедливость и, как и Эмма Атамас, по мере своих сил и возможностей помогала людям.

С Эммой их сегодня собралось четверо, Фаины не было. Тамара на правах хозяйки (а она всегда и везде чувствовала себя таковой) накрыла на стол, расставила чашки, выложила на блюдо аппетитный пирог, принесенный Ольгой.

– В пять утра встала. Но, если бы и в четыре или даже не ложилась вовсе, все равно бы опоздала – сами знаете, всегда нахожу себе работу, – улыбнулась устало Эмма, усаживаясь за стол. – Я сегодня с пустыми руками. Хотела же купить конфет, да забыла. Закружилась. Была в городе, купила эти огромные и тяжелые мешки со смесями для штукатурки... Если бы мои строители сами поехали в магазин, выбрали бы самое дорогое и бестолковое. А так я все изучила по интернету, проконсультировалась с одним моим знакомым, и он подсказал, какую марку мне покупать и где, еще и скидочную карту свою дал. Вот только с расчетами сложновато. Ну не могу я все знать и уметь!

– Эмма, я восхищаюсь тобой! – Зоя бросила на нее нежный взгляд. – Ты такая трудяжка! Представляю себе, как обрадуются наши женщины, которые смогут отдать своих детишек в этот детский сад и пойти на работу. От мужиков-то все равно никакого толку. А Василиса? Как хорошо, что ты уговорила ее возглавить этот садик! Она же так любит детей. И умная, и все в руках горит. Думаю, она без труда соберет женщин-воспитателей, пригласит врача хотя бы на полставки. И получится замечательный частный детский садик.

– Если бы вы только знали, чего мне это стоило! Я имею в виду оформление, разрешение... Да и денег немерено ушло на ремонт, покупку всего необходимого. Зато в игровой комнате у нас будет огромный шерстяной ковер, вчера привезли, лежит пока у меня дома. Не ковер – сказка! Надо будет еще цветы комнатные купить, съездить в питомник, лимонарий. Знаете, мне иногда кажется, что я могла бы стать мэром этого города, честное слово! Мне так нравится всем этим заниматься! – Она буквально захлебывалась в своих эмоциях.

– Ты знаешь, я от рождения начальница, – подала голос Тамара, с трудом скрывая усмешку, поскольку время от времени чувствовала, что теряет свое лидерство на фоне богатой и предприимчивой Эммы. – Но вот мэром бы не хотела быть, даже если бы меня очень

попросили. Ты же, Эммочка, просто не представляешь себе, насколько это сложно, и, главное, у тебя совершенно не останется времени на себя, на свою жизнь, увлечения, вообще ни на что. Станешь целыми днями подписывать документы, встречаться с людьми, проводить собрания, и голова твоя будет забита городскими проблемами.

– Соглашусь с тобой на все сто, – неожиданно согласилась с ней Эмма. – Так я свободна и сама принимаю решения, трачу свои деньги или же собираю средства на то, что считаю важным именно сейчас. Нахожу спонсоров, общаюсь с людьми и знаю их проблемы, сами знаете. А если бы была мэром, то неизвестно еще, позволили бы мне действовать по своему усмотрению или нет. Поэтому, Томочка, уж лучше ты будь мэром, если вдруг захочешь.

– Нет, не захочу. Ну что, девочки, режу пирог. Олечка, какое тесто! Прямо живое! Что за начинка?

– Зеленый лук с яйцами, – сказала, очнувшись от своих раздумий, Ольга. Она так устала, что сидела сейчас с отрешенным видом, спрашивая себя, зачем вообще пришла сюда, могла бы остаться дома и выспаться. Всю ночь пекла пироги на юбилей заказчице.

– Что же мы, Фаю не подождем? – спросила Эмма, наблюдая за тем, как Тамара аккуратно острым ножом нарезает ровные куски пирога. – Куда она делась-то?

– Не знаю, – откликнулась Ольга.

– Я тоже не видела ее сегодня, – сказала Зоя. – С самого утра занималась розами, отливала их фитоспорином, чтобы черной пятнистости не было. Вы же помните, как у меня розовая клумба в прошлом году осыпалась, все листочки были в черных пятнах... Бедные розочки! Я у них даже прощения просила! Фая... Давайте я позвоню ей и спрошу, придет она сегодня или нет. Какие проблемы-то?

И она позвонила. Держа телефон одной рукой, другой она насыпала сахар в чашку с чаем. Лицо ее выражало умиротворение и даже счастье. На прошлой неделе ей удалось продать одну из своих самых любимых кукол – «горничную» в клетчатом зеленом платье и черном шелковом капоре. Корсет «горничной» был слегка расшнурован, и пышную розовую грудь ее украшало тонкое кружево. Позвонил какой-то коллекционер и заплатил за нее целых восемьдесят тысяч рублей! Объявление о продаже ее кукол он нашел на самом бойком сайте с городскими объявлениями. И вот теперь, находясь все еще под впечатлением от удачной сделки, Зоя мечтала, что сможет позволить себе купить, какие мечты исполнить, какие еще розы закажет в питомнике. Пока что она запланировала розу «Мадам Энизетт»...

– Кто это? – вдруг услышала она мужской голос.

– В смысле? – Она даже растерялась. – Вообще-то я звоню своей подруге Фае. А вы кто?

– Следователь Следственного комитета Петров. У меня для вас печальное известие...

– Фая? Что с ней?

Все находящиеся за столом женщины замерли, уставившись на Зою. Кто-то очень громко звякнул чашкой о блюде.

– Она умерла. Вы не могли бы приехать сюда, надо бы побеседовать.

– Да, конечно. Прямо сейчас и приедем...

Она отключила телефон, глаза ее моментально наполнились слезами.

– Фая умерла, девочки. Умерла.

Все повскакивали со своих мест, засуетились, Ольга вдруг остановилась, закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Девочки, надо взять себя в руки. И вообще, может, это ошибка или розыгрыш. Кто звонил-то, Зоя? Вернее, кто взял трубку?

– Следователь Иванов. Уф... Голова совсем не работает. Петров. Его фамилия Петров.

– Да это точно розыгрыш, – вдруг с облегчением сказала Эмма, тоже притормаживая, ее лицо выражало сосредоточенность и одновременно недоумение. – Иванов, Петров... Просто

придумали первое, что пришло в голову, я так думаю. Может, у нее дома работает какой-нибудь слесарь или мастер... Я не знаю.

– Я так не думаю, – осторожно возразила ей Зоя. – Я вообще ни разу не встречала людей, которые шутили бы или разыгрывали таким идиотским образом. Поедемте скорее. Он хочет поговорить со мной и, вероятно, с вами. Как с близкими ее подругами. Пойдемте-пойдемте!

На лестнице в подъезде, где проживала Фаина, толпился народ. В основном это были соседи. Все тихо перешептывались, поглядывая на распахнутую дверь Осиной, откуда доносились приглушенные голоса.

– Зоя! – бросилась к ней одна из соседок, живущая через стенку от квартиры Фаины. – Фаечка умерла, представляете! Какой ужас! Мы все просто в шоке!

– Что с ней случилось? – строго, но тихо спросила у нее подоспевшая Тамара. – Как она умерла? Кто ее нашел?

– Да, что с ней случилось? – спросила Ольга Курасова, нервно почесывая макушку, вздыбливая черные жесткие волосы. – Вроде бы ничем не болела, постоянно следила за своим здоровьем, пила какие-то настои... Грамотным человеком в плане медицины была.

– Вот и напилась, думаю, своих настоев, – предположила соседка.

– Вы хотите сказать, что Фаина отравилась? – Брови Эммы Атамас взлетели вверх. – Этого быть не может. Ее травы и настои мы все употребляем. И вообще, кто здесь главный?

– Там... Следователи, эксперты... Набились в квартиру, – недовольно проворчала соседка. – Натопчут, наплюют, побросают окурки... Бррр... Фаечка такая чистюля была. Говорю вот в прошедшем времени, а саму колотит... Это невозможно!

– А она точно умерла своей смертью? – спросила Зоя.

– Да кто ж знает-то?

– Ладно, девочки, я пойду прямо туда, меня же позвали. И вы ступайте за мной. Заодно все и узнаем... – сказала Зоя, решительно поднялась, пробираясь между людьми, на несколько ступеней и вошла в квартиру погибшей подруги.

7. 15 июля 2019 г

Екатерина Фролова вернулась домой вечером, в половине девятого. В июле темнеет поздно. Но уличные фонари уже зажглись, и теперь гигантские тополя, окружавшие темный в этот вечерний час двор пятиэтажного дома, сделались необычайно красивыми, изумрудного оттенка. Быть может, еще вчера Катя полюбовалась бы ими, насладилась бы красивыми красками розового заката, порадовалась бы тому, что на ее пальчике появилось колечко с рубином, зашла бы даже в кафе, чтобы съесть свое любимое пирожное, то есть постаралась бы насладиться жизнью даже вот в таких простых ее проявлениях. Но это вчера, позавчера – в прошлом... А вот сейчас она вдруг поняла, что прежней, наполненной счастьем и радостью жизни уже больше никогда не будет. А ведь она и не знала, что кошмар, как черная змея, обовьет ее и теперь будет давить на нее, травить, превращая эту самую жизнь, которую она готовила себе в надежде на счастье, в настоящий ад. Что где бы она теперь ни была, что бы ни делала, как бы ни пыталась отыскать хотя бы немного радости в окружающем ее мире, она ее не найдет. Потому что ее больше никогда не будет. И что самое страшное она еще и не пережила. И бомба ждет ее дома. Еще немного она посидит в машине, окруженная изумрудными тополями, понаблюдает за светящимися окнами домов, оценит тепло и уют квартир, позавидует чужим простым семейным делам (вот женщина стоит возле плиты и что-то помешивает в кастрюльке, или ребенок, сидя на подоконнике, пускает из трубочки мыльные пузыри, вот парочка целуется возле окна, уверенная в том, что их никто не видит, или женщина гладит белье, или мужчина сидит за столом и ужинает), но потом-то все равно придется выходить и брести домой. Она поднимется на крыльцо, откроет дверь подъезда, глотнет кошачий смрад, смешанный с запахом лука или борща, поднимется на третий этаж, достанет из сумочки ключи, отопрет дверь квартиры, войдет, позовет мужа, Леву, а он ей не ответит. Он точно не ответит, потому что чудес не бывает. Потому что, когда она сегодня утром уходила из дома, он уже не дышал. Он с удовольствием выпил кофе, который она ему приготовила, насыпав туда неприлично большую порцию крысиного яда. Его скрутило моментально. А она, чтобы не видеть его мучений, выбежала из кухни и стояла на балконе как парализованная, не в силах даже пошевелиться. Она, как идиотка, стояла и смотрела, как какой-то скучающий мальчик во дворе, один-одинешенек в этот ранний час, играет с красным мячом, лупя им по гулкому металлу старого гаража... Удары мяча по стене были такими громкими и раскатистыми, они заполняли весь двор и соседние тихие утренние улицы и заглушили отвратительные и страшные звуки рвоты или предсмертных криков Левы. Потому что спустя какое-то время, когда мальчик уже ушел, прижимая к себе мяч, наступила такая зловещая тишина, что Катя догадалась – все кончено. Левы больше нет. Теперь она свободна. Теперь, когда муж выплатил последний взнос по ипотеке, когда все финансовые вопросы казались априори решенными (Кате, единственной наследнице, достанутся трехкомнатная квартира, гараж и две машины плюс надежный бизнес мужа, пиццерия на бойком месте в центре Калины, которая будет приносить ей ежемесячный доход), она может по-настоящему почувствовать себя свободной и наслаждаться без помех своим любовником. Теперь не надо будет прятаться от чужих глаз, снимать комнаты и квартиры, оплачивать гостиничные номера в областном центре, обниматься в машине где-нибудь в лесу или поле. Все. Теперь они смогут встречаться с Андреем в ее квартире и спать на ее широкой, с удобным матрасом, кровати. Счастья ожидалось так много, что прямо дух захватывало. И для достижения всего этого только и надо было купить заранее, за несколько месяцев, упаковку крысиного яда, приготовить из этих синих продолговатых таблеток в форме сливовых косточек концентрированный раствор, процедить его и плеснуть в чашку с утренним кофе мужа. И вуаля!

Итак, ей предстояло вернуться в квартиру тогда, еще утром, после того, как он глотнул кофе и когда она больше всего боялась, что яд недостаточно подействовал, чтобы убить его, и он еще живой или даже в сознании, и тогда она не представляла себе, как поступить, как довести дело до конца. И было очень страшно.

Теперь же надо было войти в квартиру спустя много часов, чтобы, увидев труп мужа, поднять крик, всполошить соседей, позвонить в полицию и «Скорую помощь», то есть устроить самое настоящее представление, чтобы все поверили, что она только что обнаружила, что ее муж мертв.

Утром она, пройдя на одеревеневших ногах в кухню и увидев Леву, который лежал, скрючившись, на полу, не знала, хватит ли ей сил опуститься перед ним, чтобы проверить его дыхание. Но нашла же в себе силы. Присела, поднесла к его мокрому, в коричневой жидкости (кофе, наверное) рту зеркальце – оно не запотело. Потом храбро взяла его руку и пощупала запястье, проверяя, бьется ли сердце. Кажется, не бьется. Позвала его на всякий случай: «Лева! Лева... Ты жив?» Пожалуй, это был самый глупый вопрос из всех, которые она когда-либо произносила в своей жизни. Лева ей, понятное дело, не ответил. Из совокупности всех этих признаков, которые показались ей даже при ее медицинской некомпетентности вполне убедительными, она определила, что муж все-таки умер. И это притом что тело его пока еще было теплым.

И вот сейчас. Вдруг окажется, что он жив и здоров и отравление ей просто приснилось? Что она крепко спала, увидела во всех подробностях то, что ей предстояло проверить, а когда проснулась, подумала, что все это было на самом деле? Но тогда получится, что она сошла с ума. Потому что нормальный человек никак не может в течение целого дня не отличать свои сонные фантазии от реального положения дел.

Она все-таки вышла из машины, заперла ее и, вздохнув, направилась к дому. Каждое ее движение, каждый шаг уже мысленно были много раз отрепетированы. И вот она уже стоит перед дверью. Сначала позвонила. К счастью, никто не открыл. Значит, можно надеяться, что Лева не в состоянии это сделать. Да и вообще – даже если бы он был жив, разве не зажег бы свет хотя бы в одной из комнат или на кухне? А так – все окна были темными.

«Ну что ж, открою сама», – решила она и достала из кармана ключи. Но отпираться ей не пришлось, дверь поехала сама. Господи боже мой! Да я же специально не заперла ее, чтобы, в случае если кто придет, поскорее нашли труп! Другой вопрос – почему ей хотелось, чтобы поскорее нашли труп мужа? Да потому, что в принципе хотелось, чтобы все уже поскорее закончилось! Чтобы Леву по-быстрому похоронили, а ее, вдову, оставили в покое.

Она чуть не умерла от страха и ужаса, когда в темноте, сделав пару шагов в прихожей, наткнулась на что-то мягкое... Рука потянулась к выключателю, вспыхнул свет, вызвав резь в глазах, и она увидела распростертую на полу соседку Марину. Молодая женщина лет тридцати лежала, раскинув руки. Халатик в розочках задрался, открывая стройные и неестественно белые ноги. Домашние тапочки свалились с ног соседки, и Катя еще пару минут стояла и смотрела на яркий, малинового цвета, лак на пальцах.

Она что, заглянула к нам и допила кофе, который я приготовила Лева? Но этого не может быть. Это из разряда кошмарных снов или клинического бреда. С какой стати ей заходить и выпивать кофе?

И тут Катю пронзила догадка, причем настолько логичная и абсолютно здравая, что она удивилась, как это не пришло ей в голову в первый момент, когда она увидела Марину. И как не заметила, что она дышит?!

Катя быстро опустилась на колени и взяла руку Марины, та была теплой, да и пульс едва прощупывался.

Ну конечно, она просто заглянула, перед этим позвонила, но затем как-то догадалась взяться за ручку, словом, дверь открылась, соседка прошла в квартиру, позвала Катю или Леву,

потом, оказавшись на кухне, увидела труп, от страха рванула к выходу, намереваясь вызвать полицию. Но ей стало плохо, и она упала. Возможно, сердце.

Надо было срочно что-то предпринимать, звонить в «Скорую». Но не лучше ли сразу все-таки дойти до кухни, заставить себя увидеть мертвого Леву, а уж потом бить во все колокола? Без этого не обойтись. Надо, надо заставить себя сделать еще несколько шагов...

И все-таки, что бы она сделала, если бы его тела там не оказалось? Подумала бы, что он чудом остался жив, промыл желудок, сам вызвал «Скорую»? Вот это было бы крахом всех ее надежд. И ее ждала бы тюрьма.

Но Лева был там. Как она его оставила, в таком же положении он и находился. Безусловно, он был мертв. А в кухне пахло разлитым кофе. Или же ей так показалось потому, что она знала про кофе.

Ну вот. Теперь она может спокойно позвонить в «Скорую» и вызвать полицию. Больше того, любая женщина, обнаружив такую сцену в своей квартире (мертвый муж на кухне и молодая привлекательная соседка без чувств в прихожей), запросто может предположить, что мужа отравила именно соседка, потому что они, возможно, были любовниками! Вот это подарок! Такое предположение Катя непременно выскажет во время допроса (или беседы, это уж как получится или как положено по закону) следователю. И пусть тогда Марина, придя в себя в больнице, оправдывается, пусть докажет, что она зашла к соседям за солью.

Что ж. Пора звонить. Вот хорошо бы еще вызвать слезы, чтобы, когда в квартире появятся эти чужие, казенные люди, они поверили в ее чувства, не усомнились, что смерть мужа поразила ее в самое сердце. Но слез не было. Да и чувств особых никаких. Даже страха. Что ж, пусть. Значит, у нее просто шок. И она взяла в руки телефон.

8. 15 мая 2022 г

Следователя звали Егор. Егор Николаевич Петров. Для следователя, как показалось Жене, он был слишком мягок, отзывчив и даже рассеян. На разговор с ней, простой как бы санитаркой, пошел охотно. Хотя, быть может, у него такая фишка, свой метод вести расследование? Конечно, она представилась начинающим писателем, типа, призналась ему, что специально устроилась в больницу санитаркой, чтобы собрать материал для будущего «медицинского» (это определение возникло спонтанно, она выдала его, не особо задумываясь) романа. Извинившись за то, что отнимает у него время, выразила свою заинтересованность в деле об отравлении учителя истории. Сказала, что ей этот материал представляется особо интересным, что, возможно, она возьмет его в качестве параллельной линии, «для отвлечения читателя от настоящего преступника, чтобы запутать его окончательно». Пыталась узнать у Петрова, есть ли подозреваемые в этом «ужасном» преступлении. Но тот только руками развел: никого. И даже высказал предположение, что вряд ли его (или ее) вычислят.

– Так я могу помочь! Мне это будет только в радость! Ведь если я правильно поняла, в квартиру учителя кто-то подбросил змею. А о чем это говорит? О том, что, во-первых, этот человек, назовем его условно «преступник», змей не боится. Во-вторых, он довольно смекаливый, раз раздобыл эту змею. Как ее там?..

– Бойга, – вздохнул, озираясь по сторонам, Петров.

Это был высокий худощавый блондин лет тридцати, с карими глазами. Одет был в джинсы и легкий бежевый джемпер. На мир глядел как-то уж особенно безрадостно. Женя подумала, что такой взгляд бывает у человека, которому с утра кто-то сильно подпортил настроение. Либо он родился с такой кислой миной, либо ему просто пора отдохнуть.

– И где они водятся?

– Вроде бы эта змея похожа чем-то на нашего ужа, может, и у нас водится. Точно не знаю, врать не буду. Но, скорее всего, ее просто заказали.

– В смысле?

– По интернету. Сейчас, сами знаете, все что угодно можно заказать.

– В смысле? Тогда это можно проверить.

– Да мы проверяем... – он произнес это так неуверенно, что Женя догадалась – никто и ничего пока еще не проверял. Оно и понятно, у этих следователей полно разных дел. К тому же Лебедев жив! Вот если бы он погиб, тогда, возможно, за дело бы взялись как следует.

– Хотите, я помогу вам найти этого отравителя, «змеелова»?

– Не думаю, что это хорошая идея. Если человек решился на такое, он опасен. Вы же не можете этого не понимать. И мне не хотелось бы, чтобы такая красивая девушка пострадала ради того, чтобы собрать материал для романа.

И тут он, к ее большому удивлению, так улыбнулся, что весь зеленый больничный двор, казалось, заиграл солнечными бликами. Потрясающая, неожиданно теплая улыбка! Женя аж расслабилась. Вот теперь она была просто уверена, что они если и не подружатся, то уж точно сработаются. Исчезла невидимая преграда между ними. Ну какой же он обаятельный!

Они обменялись номерами телефонов, Женя заверила Петрова, что будет рассказывать ему все, что происходит с Лебедевым, а заодно поохраняет его. Ведь если учителя «приговорили», то, возможно, последует еще одно покушение.

– Вот интересно, как же вы собираетесь его «поохранять»? – И снова эта улыбка.

– Конечно, не очень-то я гожусь в охранники, у меня и оружия нет, но я могу хотя бы проследить, кто к нему заходит. Сниму на телефон всех посетителей. Но пока что его навещают ученицы, вы их только что видели. Думаю, они искренне переживают за него.

Конец разговора оказался скомканным из-за звонка Бориса. И почему только, увидев его фото на дисплее, ей всегда становится не по себе? Она начинает нервничать, словно ее застали за чем-то постыдным. А ведь она просто уехала с подругой отдохнуть в другой город. Разве это преступление? Ну откуда, откуда у нее это чувство вины?

Борис, что удивительно, и сам разговаривал с ней почему-то виноватым тоном. Спрашивал, все ли у нее хорошо, здорова ли она, говорил, что скучает и что если бы не одно важное дело, которым он занимается, то он и сам бы приехал к ней в Калину, с удовольствием искупался бы в Волге, порыбачил.

– Если тебе там так нравится, быть может, купим там домик где-нибудь на берегу реки? И будем туда приезжать... – предложил он.

Она вздохнула. Вот же собственник! Если отдыхать или рыбачить, то уж в своем доме. Хотя почему ее так все раздражает? Разве это его предложение не является проявлением любви к ней?

– Я подумаю, – отозвалась она. – Знаешь, мне сейчас не очень удобно говорить...

– Ты не одна? И вообще, где ты?

– Я навещаю одну свою знакомую в больнице... Потом тебе все объясню, хорошо? Все, целую.

– Люблю! – услышала она его вздох.

Когда она закончила разговор, следователя Петрова уже рядом не было. Получается, что он, решив, что не стоит ей мешать, просто ретировался.

Устроившись поудобнее в тенечке на скамейке, Женя погрузилась в интернет в поисках сайтов, где можно было бы купить змею. И к ее удивлению, интернет-магазинов, где торгуют живностью, в том числе и змеями, оказалось не так уж мало. И каких только разновидностей ядовитой змеи-бойги не существует! И мангровая, и узорчатая, собакозубая, дрэпеза, узкополосная, черноголовая...

Поначалу, когда Женя услышала, что Лебедева укусила бойга, она решила, что это змея местная, типа гадюки. Но теперь, изучив ареал ее обитания, она поняла, что ошиблась. Бойга в основном обитает в таких странах, как Камбоджа, Таиланд, Лаос, Вьетнам и частично полуостров Малайзия.

Получается, что преступник ее все-таки либо купил, либо откуда-то привез. Или же, как Женя прочла в одной статье, она могла заползти, к примеру, к кому-нибудь в багаж, спрятавшись в самолете! И такие случаи бывали. «Коричневая змея бойга – опасный мигрант. Она путешествует по всему миру. И знаете, какой способ передвижения она избрала? Никогда не догадаетесь – самолет!»

Все это, конечно, интересно, и можно было бы и дальше читать про эту страшенькую змейку, если бы Женю не окликнули. Ну, конечно, это была сестра-хозяйка, которая, стоя на крыльце больницы, недвусмысленно покачивая головой и уставив одну руку в бок, другой подзывала Женю к себе, мол, а не пора ли тебе, голубушка, работать!

Ну да. Она же санитарка! И Женя вернулась на свое рабочее место. Упреки, которые посыпались на ее голову, она старалась не замечать.

Наполнив ведро водой и плеснув туда дезинфицирующего раствора, Женя, подхватив швабру, отправилась мыть лестницу.

«Конечно, злоумышленник купил эту змею, – размышляла она. – Или же добыл каким-то другим путем. Но почему он избрал такой сложный путь для того, чтобы отравить и, возможно, убить историка? Можно же было просто найти яд и подмешать его в суп, к примеру, или в какой-нибудь напиток. Во всяком случае, это один из самых легких способов убийства. А так – пришлось заказывать змею. И как она «добралась» до него? Посылку привез курьер? Или же преступник забрал ее из какого-нибудь почтового бокса? СДЭК? Быть может, есть свидетели, которые могли бы подтвердить этот заказ».

Она знала, что Петров сейчас в палате беседует с Лебедевым. Что ж, она дождется его, подкараулит и спросит, кто, какой эксперт вообще решил, что эта змея именно бойга? Разнообразием змей огромное количество. Или же это очень хороший и грамотный эксперт, который знает вообще все (что невозможно), или же он когда-либо сталкивался с бойгой.

Управившись с лестницей, она отправилась в коридор, откуда можно было увидеть дверь, ведущую в палату Лебедева. Подождав немного, Женя решила проверить, там ли следователь, уж больно тихо было вокруг, словно весь этаж спал. И, как оказалось, она его действительно проворонила, пока мыла лестницу! Петрова в палате не было. Зато Игорь Лебедев на этот раз не лежал с капельницей, а сидел на кровати спиной к ней, глядя в окно. Может, ему стало лучше, сил прибавилось или же он предпочел разговаривать со следователем сидя. В любом случае для Жени это было хорошо, потому что, если бы он спал, ей пришлось бы просто уйти.

– Игорь Сергеевич, – тихо окликнула она его и быстрым шагом приблизилась, села на стул рядом с ним. – Ну что, поговорили со следователем?

– А... Это вы? – Он слегка повернул голову в ее сторону и усмехнулся. – Если бы. Он только и успел, что поздороваться. Ему позвонили, и он тут же убежал. Похоже, что-то случилось. Я так и не понял, что именно. Но телефоны у нас у всех сейчас такие громкие, что обычно слышно, даже если не включаешь на громкую связь. Кажется, умерла какая-то женщина. Или ее убили. Я нелюбопытный, но, когда прозвучало что-то об отравлении, я напрягся, сами понимаете. Пойдите...

Он вдруг нахмурился и внимательно посмотрел на нее. Потом знаком показал на дверь, она так поняла, что он хочет поговорить с ней в другом месте, где их никто не сможет услышать.

Она кивнула, вышла, он – следом, они спустились на два лестничных пролета вниз, оказавшись в месте для курильщиков. Широкий подоконник, урна для окурков и, главное, распахнутое окно в больничный сад.

– Послушайте. Мне бы сбежать отсюда. Вы можете мне помочь?

– Я-то помогу. – Она совершенно не удивилась этой его просьбе. – Это не вопрос, но вы сами-то сможете без медицинской помощи? Вам же капельницы ставят, вас здесь лечат.

– У меня есть девушка. Я мог бы пожить у нее. Наняли бы медсестру, которая ставила бы капельницы, контролировала мое выздоровление. Больной-то я никому не буду нужен... Я не трус, нет, но третье покушение – это уже не шутка, это серьезно. У меня слишком много дел в этой жизни, чтобы вот так взять и позволить себя убить. Понятное дело, что меня здесь никто не охраняет, сами видели. И если бы еще знать, за что меня хотят убить! Но, поверьте, я понятия не имею, кому я перешел дорогу. А еще – я очень переживаю за мою девушку. Ее зовут Лена. Мне стыдно, конечно, признаться, но у меня просто нет другого выхода. Да, она – одна из моих учениц. Ей нет еще восемнадцати. Если бы со мной не случилось это несчастье, я бы продолжил хлопотать в администрации нашего города о том, чтобы нам позволили пожениться. Лежу здесь как бревно. А Лена переживает. Я-то мужик, все выдержу, а ее, боюсь, затравят. И хотя мы тщательно, как нам казалось, скрывали наши отношения и встречались в одном тихом месте, на самой окраине Калины, но все равно нас могли видеть. Возможно, многие уже знают о нас, и я боюсь, как бы эта история не закончилась совсем уж плохо.

– Бойтесь, что вас посадят? – прямо в лоб, понимая, что это звучит жестоко, спросила Женя.

– Может, и так.

– Но это не так-то просто будет сделать. Надо будет еще доказать... Послушайте, Игорь, а вам не приходило в голову, что именно эта ваша связь...

– У нас не связь, у нас все серьезно, и мы собираемся пожениться! – шепотом вскричал он.

– Это вы знаете, что у вас серьезные отношения, но для других ваша любовь к школьнице пахнет статьей. И именно этот факт мог кого-то толкнуть на желание наказать вас.

Я это просто предполагаю. Но вы правы, вам сейчас лучше быть с Леной. Будете друг друга поддерживать, пока не получите разрешение администрации на брак. И хотя то, что я скажу сейчас, покажется вам странным, но уж лучше бы ваша Лена была беременной. Возможно, в этом случае вам скорее бы пошли навстречу.

– У меня на этот счет другое мнение. Пока она не беременна, у меня есть шанс...

– ...остаться на свободе? Ох... Даже и не знаю, что вам сказать. Когда вы хотели бы покинуть больницу? И вообще, вас отпустят?

– Главврач – мой хороший знакомый, он поможет мне.

– Что ж, тогда действуйте. Улаживайте здесь свои дела, договаривайтесь с главврачом и медсестрой, чтобы она приходила к вам, а я, когда вы будете уже готовы, вызову такси и отвезу вас, куда скажете.

Подумалось, что еще не так давно Лебедев, возможно, был более мужественным и решительным, во всяком случае таким его наверняка увидела Лена. Сейчас же, напуганный до предела покушениями и не понимающий, кто же за него так серьезно взялся, он представлял собой жалкое зрелище. Ну что ж, не всем быть крепкими мужиками. Есть и такие вот обаятельные слабаки, страстные и умеющие покорить женское сердце. Но что будет с ним дальше? Справится ли он с проблемой, сможет ли добиться разрешения на брак? В какой-то момент Жене стало тревожно за Лену. Больше того, она вдруг подумала, что эта семнадцатилетняя девочка, возможно, повзрослев, в силу своего характера и способностей станет главой семьи, и именно ей придется решать самые важные вопросы, разводить, что называется, тучи руками.

9. 15 мая 2022 г

Предварительный осмотр трупа Фаины Осиной, уважаемой в городе женщины, практически ничего не дал. Судмедэксперт Миша Воронов, внимательно осмотрев тело, предположил, что женщина умерла либо своей смертью, в результате сердечного приступа, к примеру, либо из-за какой-то другой болезни.

Соседка, с которой побеседовал Егор Петров, точнее, одна из соседок, желающих поговорить с ним, сказала, что Осина последнее время жаловалась на недомогание, говорила, что где-то простыла, подозревала, что ее просквозило, когда она работала за столом рядом с балконом, и даже предполагала у себя пневмонию, потому что ей не хватало воздуха. Записалась к врачу, но участкового терапевта отправили на учебу.

– Она же травница, сказала, что будет пить отвары. Она всегда лечилась травами, об этом все знают.

На кухне Осиной действительно обнаружили кастрюльку с каким-то отваром. Миша, понюхав, предположил, что это алоэ с медом. Также на столе лежали пакетики с травой и красными сушеными ягодами, на самодельных этикетках было написано «Шиповник» и «Подорожник».

Кроме этого, в отдельном шкафчике хранилось множество баночек и коробочек, пакетиков и бутылочек с разными травами и настойками.

Четыре женщины, назвавшиеся близкими подругами, с трудом прорвались к следователю на кухню, где он общался с соседками, и завалили его вопросами, всех интересовало одно: что случилось с Фаиной? И ни одна из них не подтвердила, что Осина жаловалась на недомогание, говорила о том, будто ей трудно дышать. Хотя одна фраза зацепила Петрова: кто-то проронил, что у нее начали выпадать волосы, она сильно комплексовала из-за этого и постоянно мыла голову крапивой, а волосы просто лезли. Прозвучало предположение, что это могло быть осложнение после перенесенного ковида, но Фаину этот вирус обошел стороной.

От всех этих разговоров и шума Петров ретировался, вернулся к себе в Следственный комитет и заперся там в кабинете. Его не покидало чувство, будто его напрасно потревожили из-за пожилой женщины, умершей естественной смертью. Ну да, уважаемый в городе был человек. И, скорее всего, одинокий и несчастный. Хотя помощники ему позже уже доложили, что она была членом кукольного клуба «Шико», как и те четыре ее подруги, что одолевали его своими вопросами у нее в квартире. В любом случае, смерть Осиной, добропорядочной женщины, никак пока не связывалась с криминалом. Но надо, конечно, дождаться результатов экспертизы. И если окажется, что она умерла от пневмонии или сердечного приступа, то никакого дела возбуждено не будет. Да и вообще было как-то странно, что соседи вызвали полицию, а оттуда позвонили в Следственный комитет.

Куда больше его интересовало третье покушение на школьного учителя истории Лебедева. Уже после первого покушения, когда Игоря Сергеевича отравили редким ядом, таллием, растворив его в шампанском на городском весеннем балу, можно было заводить уголовное дело. Да только начальство и ухом не повело – какое еще дело, когда просто учитель подвыпил, траванулся алкоголем? К тому же на балу был почти весь город, Дворец культуры гудел, звучала музыка Чайковского, девушки в красивых платьях и с цветами в прическах танцевали в украшенном ветками сирени зале, официанты из соседнего ресторана разносили шампанское и легкую закуску всем желающим (спонсором мероприятия выступил местный бизнесмен Курбатов, счастливо выкарабкавшийся из ковида и, как бы вернувшись с «того света», решивший не скупясь отметить свое «второе рождение» этим весенним городским балом). И как доказать, что тот бокал с шампанским был предназначен именно Лебедеву? Словом, эта история

с отравлением всем тогда представилась головной болью – слишком уж было много народу на празднике, и найти отравителя было практически невозможно. Да Петров и сам это понимал.

Однако потом на Лебедева был совершен наезд. Поздно вечером учитель шел по дороге, ведущей из пригорода в город, хорошо освещенной уличными фонарями, торопился домой, и вдруг внезапно появившаяся позади него машина задела его, и он откатился в кусты. Практически не пострадал. Но и автомобиля не видел. Возможно, водитель был пьян и просто не владел рулем, выписывая кренделя на дороге. А может, учителя хотели убить. Потому что если бы хотели просто напугать, то дали бы понять, в чем он виноват. Были бы угрозы, намеки. Но Лебедев утверждает, что ничего такого не слышал, никаких конфликтов ни с кем у него тоже не происходило. Обиженных женщин нет, денег никому не должен, никого не оскорблял, не обижал, с учениками отношения нормальные, в школе его любят, ценят и даже считают слишком мягким учителем. Наследство чужое не прибрал к своим рукам. С жильцами дома, в котором проживает, тоже не было ссор, все его уважают, да он вообще на хорошем счету в городе. Совершенно безобидный человек. Воспитанный, интеллигентный. Кому он мог перейти дорогу?

Петров был в Каменке, откуда Лебедев родом, это в пятидесяти километрах от Калины, поговорил с коллегами. Молодой скромный учитель, помешанный на истории, – вот так там его охарактеризовали. Жил тихо, учился в университете на заочном, работал в местной библиотеке, много читал. Никаких романов, любовных историй, брошенных девиц и тому подобного. Человек с кристальной репутацией. Вот поэтому Петров пришел к выводу, что человек, который пытался убить Лебедева, явно проживал в Калине. И у него каким-то образом нашелся этот редкий яд плюс была своя машина.

Хотя если не принимать во внимание страхи учителя, то все эти события могли носить случайный характер. И шампанское предназначалось не ему. И машина его случайно сбила. И даже змея заползла к нему в портфель сама по себе. Три раза, и все случайно?

Конечно, Петров был в курсе сплетен, которые распространялись по городу: Лебедев влюблен в старшеклассницу Лену Борисову. Их часто видели вместе, но не где-нибудь рядом со школой, в парке или кино, на танцах или в кафе, нет. Они, судя по разговорам, встречались где-то на окраине города, поговаривают, их видели рядом с домом бабки Клюевой, так все звали одну старую женщину, которая зарабатывала себе на жизнь тем, что вязала толстые носки из овечьей шерсти и продавала их на базаре. Три пары таких носков (серые и черные, украшенные орнаментом сверху) носил зимой и сам Егор. Бабка Клюева давно умерла, и ее дом стоял пустой. Наследники тоже пока не объявились.

Быть может, Лебедева преследовали из-за Лены Борисовой? Может, у нее парень был, с которым она раньше встречалась? Или не встречалась, но он мечтает о ней, а учитель ему мешает? Из-за любви, ради обладания девушкой и не такое происходит. Люди убивают друг друга!

Но Лебедев жив после трех покушений. Что это, тоже случайность? Сделал всего один глоток отравленного шампанского? Сам, услышав шум мотора за спиной, инстинктивно отскочил в сторону и только поэтому остался жив? Змея сделала слабый укус, маловато впустила яда в его руку? Какой он, однако, живчик!

Сегодня следователь приехал в больницу, чтобы еще раз побеседовать с Лебедевым. Но не случилось. Сначала его отвлекла девушка, странная, представившаяся начинающей писательницей, а на самом деле обыкновенная санитарка. Правда, любопытная патологически. И наверняка влюбленная в Лебедева. В него были влюблены все девушки города – к такому выводу пришел Егор, собирая информацию об учителе.

Но больше всего его беспокоило то, что Лебедева никто не охраняет. И что на него может быть совершено очередное покушение прямо там, в больнице. И кто знает, на что может решиться преступник, чтобы довести дело до конца? Если, конечно, смерть учителя, а не запу-

гивание и является его целью. И если, не дай бог, такое случится и Лебедева убьют, то Егор никогда не простит себе того, что он ничего не сделал, не предпринял, чтобы предотвратить это преступление. И резонанс будет оглушительный. И непременно всплывут зафиксированные случаи покушения. И с кого будет спрос? Понятное дело, с кого, с него, с Петрова. Он и окажется крайним.

И что же делать? Быть может, поговорить с Лебедевым, чтобы он спрятался куда-нибудь, где мог бы окрепнуть? Если не дома, где его может поджидать очередная бойга, то в более надежном и неожиданном месте? Но кто позаботится о нем? Кто будет долечивать? Делать перевязки? Следователь имел самое смутное представление о том, каким образом проходит лечение человека, укушенного ядовитой змеей.

И пока он размышлял над этим, перед его глазами стояло лицо этой рыжей девушки-писательницы. А что, если никакая она не санитарка, а как раз и есть та самая отравительница-убийца? Ведь она, если судить по разговору, в городе человек новый. Что, если она специально прибыла в Калину, чтобы расправиться с учителем? Может, она родственница бывшей невесты Лебедева или просто человек, который знает о нем то, о чем не слыхали в Калине, и приехала осуществить месть? Может, он тоже убийца? Или вообще – маньяк?

В дверь постучали.

– Войдите!

Дверь распахнулась, и он увидел на пороге бледную растрепанную женщину. В длинной куртке, спортивных штанах, на голове красная цветастая косынка. В руке ее он заметил корзинку с земляникой. Ягоды были примяты, смешаны с травой и листьями. Женщина тяжело дышала.

– Вы, наверное, не помните меня, я была понятой в одном деле, когда соседку мою, Татьяну, муж прирезал... На Виноградской улице, помните?

– Ну да, припоминаю... Что случилось?

– Во-первых, я с трудом к вам прорвалась. Но потом сказала, что у меня важное сообщение. Понимаете, я телефон потеряла, поэтому не вызвала полицию. А потом вас вспомнила, вы же тогда так быстро дело это раскрыли, мужа Татьяны, Сашку-то, у которого вроде бы даже алиби имелось, поймали, вину его доказали... Уф... Вот стою сейчас перед вами, и мне кажется, что это страшный сон. Но это не сон, я уже сто раз себя ущипнула.

– Вас как зовут?

– Людмила Козлова. Людмила Ивановна Козлова.

– Так что привело вас ко мне?

– Помните, пару недель тому назад продавщица из нашего магазина, что на автобусной станции, Наташка Кленова, пропала? Вот просто не вышла на работу, и все. Ну, она погуливала, это всем известно, баба-то свободная, незамужняя, ну все и подумали, что она свалила с каким-нибудь командировочным в город. Поговаривали даже, что она деньги из кассы украла.

– И? Что, объявилась?

– Может, помните, у нее еще платье такое было красное, в белую крапинку, приметное. Очень ей шло. – Тут Козлова сделала паузу и посмотрела на Петрова страшными глазами: – В лесу она. Рядом с поляной, где я собирала землянику, будь она неладна! Мертвая! И платье это красное... Это точно она. Там и мух полно зеленых.

– Вы запомнили это место? – Петров вскочил и бросился к дверям. – Пойдемте, покажете мне, где это.

– Я думала, что пристрелили ее, ну не знаю, удушили... Но нет... – бормотала она, семена за Егором уже по коридору. – Просто подпорченная какая-то... Бррр...

10. 9 сентября 2019 г

Марина Короткова вот уже две недели как выписалась из больницы, куда попала после того, как чуть не умерла в квартире своей соседки Кати Фроловой. Сердце едва не разорвалось, когда она, как-то днем заглянув туда, обнаружила труп Левы.

Она любила своего соседа. Вежливый, интеллигентный, красивый, умный – вот бы ей такого мужа. Но нет, ей как-то все больше попадались либо бездельники да пьяницы, либо вообще проходимцы, которые так и норовили вытянуть из нее деньги. Внешне привлекательная, милая, она почти никогда не бывала одна. Свидания за свиданиями, попытки жить вместе и в результате – ноль. К счастью, она довольно быстро понимала, что за человек пытается пристроиться к ее уютной квартирке и неплохой зарплате банковской служащей. А двое ее знакомых мужчин так и вовсе чуть ли не на втором свидании раскрыли карты, признавшись, что им нужен кредит. Да она бы и с кредитом помогла, и в квартиру бы свою пустила, и детей нарожала, если бы человек был настоящий, порядочный, честный и добрый. Но вот как-то не везло. А тут, совсем рядом, за стенкой – Лева. Мечта, а не мужчина. Вот почему ее так злило, что жена изменяет ему налево и направо. Сколько раз она видела ее с другими мужчинами, встречала ее в городе, а пару раз и в области, в торговых центрах, где та, уверенная в том, что ее никто не видит, шла под ручку с каким-нибудь парнем. Марина не понимала, как можно так поступать с мужем, который о тебе заботится, обеспечивает тебе спокойную и сытую жизнь. Катя нигде не работала, и это тоже задевало Марину. Вот повезло же бабе!

Возможно, она инстинктивно пыталась привлечь внимание Левы. Старалась зайти к ним, когда Кати не было дома. Нарядная, но вместе с тем домашняя, она просила его то починить кран, то посмотреть проводку, и когда Лева, этот безотказный, с добрым сердцем мужчина, оказывался у нее дома, всегда угощала его чем-нибудь вкусным, домашним. Она знала, что он любит голубцы, и с удовольствием кормила его, едва сдерживаясь, чтобы, пока он сидит за столом и с аппетитом уминает вкусные голубцы, не обнять его и не поцеловать хотя бы в затылок. Вот если бы он ушел от Кати к ней, это было бы настоящим счастьем! Она сделала бы все возможное и невозможное, чтобы только ему было хорошо. Она исполняла бы все его желания, растворилась бы в нем, забыв про себя, и чувствовала бы себя при этом счастливой. Но он принадлежал Кате. Знал ли он, подозревал ли жену в связи с другими мужчинами? Неизвестно. Последние год-два он был очень занят. Ему посчастливилось занять крупную сумму у своего приятеля, причем без процентов, и он открыл пиццерию. Да какую! Весь город повалил туда, место сразу же стало бойким, а бизнес – прибыльным. И как только он догадался, что именно пиццы в Калине и не хватало? Нет, пиццу делали повсюду, даже дешевую, в маленьких киосках, но это была не пицца, а жалкое подобие – тонкие лепешки, покрытые дешевой колбасой и политые кетчупом, причем даже без сыра! У Левы же пицца была вкусная, четырех видов. Возможно, он не обанкротился в первые же месяцы только потому, что никакого кафе поначалу и не открывал, был просто цех по производству пиццы и доставка, то, чего раньше в их городе не имелось. Никому как-то и не приходило в голову, что в таком маленьком городке, как их Калина, уставшие к вечеру люди не всегда готовы отправиться за пиццей на ужин, им куда приятнее просто заказать ее на дом, как и в больших городах. К тому же так уж случилось, что по трагической случайности в период эпидемии коронавируса именно доставка пиццы и оказалась самой востребованной услугой в городе.

Ну а потом Леве просто повезло – в самом центре города обанкротился большой магазин модной одежды. Хозяйка его, Анжелика Рогозина, вдова бывшего мэра, запила, разогнала продавщиц, которым не хотела платить зарплату, и потом кто-то из обиженных, вероятно, вообще поджег помещение. К счастью, пожар быстро потушили, магазин почти не пострадал. И буквально на следующий день Лева, говорят, предложил Рогозиной продать ему помещение. Он

пришел к ней с пакетом, полным наличных денег, высыпал их перед ней, и она, запутавшаяся в бухгалтерии, с большими проблемами с налоговой, к тому же с тяжкого похмелья, сразу и согласилась. Лева пригласил нотариуса, своего юриста, и сделку быстро оформили. Ремонт помещения растянулся почти на год. Денег катастрофически не хватало. Город-то маленький, не каждый же день люди покупают пиццу. К тому же Лева выплачивал свою квартирную ипотеку. И тут Лева пришла мысль замораживать пиццу и продавать через торговую сеть. Бизнес тоже на время как бы заморозился, но потом он вышел на хозяина сети продуктовых магазинов в областном центре и начал туда отправлять замороженную пиццу, как готовую, так и полуфабрикаты, и вот тогда дело сдвинулось с мертвой точки. Горожане распробовали пиццу, оценили ее качество, появились деньги, и Лева развернулся – закончил ремонт помещения и открыл небольшую, но очень стильную и уютную пиццерию. Причем открыл он ее поздней осенью, в конце ноября, когда Калину заволочло туманом, в воздухе уже пахло зимой, а по утрам весь город белел от изморози, и, как нарочно, еще не включили отопление из-за проблем с центральной городской котельной. А в пиццерии, которая отапливалась мощными кондиционерами, всегда было тепло и комфортно. Оранжевые светильники, мягкие красные диванчики, горячий чай с травами, вкуснейшая пицца. И народ повалил в пиццерию – отогреться, насладиться вкусной едой. Леву в городе уважали, банки охотно давали кредиты, и он, расплатившись со своим другом, одолжившим ему первоначальный капитал, и сбросив со своих плеч бремя ипотеки, решил вложить деньги в гусиный бизнес... Он целыми днями сидел дома, за компьютером, составляя бизнес-план. Именно в этот период, когда Катя точно знала, что он дома и не появится ни в городе, ни в пиццерии, ни в областном центре, она шлялась на свидания с мужиками. Именно шлялась. Марина ненавидела свою соседку и желала только одного – чтобы та нашла себе наконец какого-нибудь самца и развелась с Левой. Чтобы тот стал свободным мужчиной. А уж Марина знала, как и чем его привлечь к себе, как заставить поверить, что она – именно та женщина, которая сделает его по-настоящему счастливым.

В тот день она не была уверена, что Кати дома нет. Решила, что просто попросит соли. Классика жанра! Надела новый французский халатик в розочках, домашние танкетки розового цвета на небольшом каблучке, чтобы казаться еще стройнее, и позвонила. Но ей никто не открыл. Она позвонила еще пару раз, потом взялась за ручку и поняла, что квартира не заперта, что было удивительно! Позвала: «Катя!», потом: «Лева!» И до последнего момента ее сердце ничего не предчувствовало, она почему-то не тревожилась. Ей было важно только одно – чтобы ее в этом халатике увидел Лева. Он хоть и не делал ей никогда комплиментов, такой уж был человек, но по его взгляду она всегда понимала, что ему нравится, а что – нет. Хотя она, скорее всего, сама себе все это придумала. Лева не был эмоциональным человеком. Возможно, Катей это воспринималось особенно остро, и ей было скучно с ним жить. Может, он и в постели был скучным, и она искала страсть в других мужчинах. Но Марине-то все равно, какой он в постели или в быту, делает комплименты или нет. Она его просто любила, и все.

Она увидела его лежащим на полу в кухне. Мертвого. И это было невозможно. Больно. Страшно. В это не верилось. Марина и не помнила, что было дальше. Кажется, она даже не сообразила позвонить в полицию. Она не помнила, как оказалась в прихожей. Резкая боль в груди – и все. Она открыла глаза уже в больнице. Кто-то сказал бесцветным голосом: «Очнулась...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.